

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
**«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**
(Н И У « Б е л Г У »)

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ КАК СТЕ- РЕОТИПНОЕ ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО ХАРАКТЕРА

Выпускная квалификационная работа
обучающегося по направлению подготовки
44.04.01 Педагогическое образование,
магистерская программа «Языковое образование»
заочной формы обучения, группы 02031554
Творжанской Ольги Александровны

Научный руководитель
доктор филологических наук,
профессор С.А. Кошарная

Рецензент
Генеральный директор
ООО «МасМедиа»,
главный редактор сетевого
издания Fonar.tv,
кандидат филологических наук
А.С. Маслов

БЕЛГОРОД 2018

ВВЕДЕНИЕ

Каждый народ «имеет богатое наследие своих предков – устное поэтическое творчество в виде различных его жанров сказок, песен и частушек, легенд и преданий, пословиц и поговорок, загадок и т.п.». Устное творчество вбирает в себя особенности национальной культуры, быта, а также специфику мировидения народа. В пословицах и поговорках отражаются не только традиции, но и нравственные ценности этноса, то, как люди оценивают те или иные поступки, взаимоотношения людей в семье, в обществе в целом. В пословицах и поговорках запечатлен совокупный опыт народа, традиционные установки и идеалы людей. Эти устойчивые тексты культуры хранят историю народа, отражают его национальный характер, характеризуют связи внутри национального сообщества и с соседними этносами.

«Русский народ создал огромную изустную литературу – мудрые пословицы и поговорки. Напрасно думать, что эта литература была лишь плодом народного досуга. Она была достоинством и умом народа. Она становила и укрепляла его нравственный облик, была его исторической памятью, праздничными одеждами его души и наполняла глубоким содержанием всю его размеренную жизнь, текущую по обычаям и обрядам, связанным с его трудом, природой и почитанием отцов и дедов» (А.Н. Толстой). Слова А. Н. Толстого очень точно передают суть устного наследия народа. Знание пословиц и поговорок в этом ключе вбирает в себя глубинные знания о народе, о человеке как носителе национальной культуры.

Настоящая дипломная работа посвящена анализу языковых стереотипов, запечатлённых в русских пословицах и поговорках.

«Во все времена стереотипы играли важную роль. Дело в том, что устойчивые образы облегчают человеку жизнь. Не будь их, пришлось бы постоянно создавать новые представления об уже знакомых предметах и явле-

ниях. Первым определением термина стереотип дал У. Липпман. Он определил стереотипы как «упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира» [Липпман 2004: 107]. Позднее это понятие рассматривалось в работах зарубежных и отечественных исследователей: Г. Тежфел, Ж. Колен, Е. Бартминьский, И. С. Кон, Ю. Д. Апресян, В. А. Рыжков, Ю. А. Сорокин, Ю. Е. Прохоров, П. Н. Шихирев, С. М. Толстая, Т. Г. Стефаненко, А. К. Байбурин, О. В. Белова и др.» [См. об этом нашу работу, выполненную в процессе освоения курса бакалавра].

Словарь-справочник по психологии Майка Кордуэлла дает такое определение: «Стереотип – жесткое, часто упрощенное представление о конкретной группе или категории людей. Поскольку мы вообще склонны к упрощениям, то формируем стереотипы для большей предсказуемости поведения других людей. Эти стереотипы часто имеют негативную природу и основаны на предрассудках и дискриминации. Стереотипы не обязательно являются ложными; обычно они содержат некое зерно истины. Их разделяет значительное количество людей, что в целом способствует их укоренению. Стереотипы могут меняться со временем, но их носителям часто бывает трудно избавиться от усвоенных представлений» [Кордуэлл 2000: 46].

В Кратком словаре когнитивных терминов стереотип понимается, как «стандартное мнение о социальных группах или об отдельных лицах как представителях этих групп. Стереотип обладает логической формой суждения в заостренно упрощающей и обобщающей форме, с эмоциональной окраской приписывающего отдельному классу лиц определенные свойства или установки, или, наоборот, отказывающего им в этих свойствах или установках. Выражается в виде предложения типа: итальянцы музыкальны, южане вспыльчивы, профессора рассеяны и т.д.» [Краткий словарь когнитивных терминов 1997: 198].

Теоретической базой нашего исследования являются работы исследователей языка и культуры В. фон Гумбольдта, А.А. Потебни, Ю.Д. Апресяна, В.А. Масловой, Н.Ф. Алефиренко, С.А. Кошарной и др.

В ходе рассмотрения стереотипов мы опирались прежде всего на работы В.А Масловой.

Объектом нашего исследования являются пословицы и поговорки, в которых нашли отражение факты стереотипизации.

Предметом являются автостереотипы русского народа и гетеростереотипы этноса, нашедшие отражение в пословицах и поговорках как традиционных текстах культуры.

Материалом для исследования послужили тексты около 300 русских пословиц и поговорок, из которых в качестве иллюстраций были выбраны самые показательные с точки зрения стереотипизации.

Целью нашего исследования является лингвокультурологический анализ национальных стереотипов, отраженных в народных традиционных текстах – пословицах и поговорках.

В связи с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:
В соответствии с целью исследования нами решались следующие задачи:

1. изучить литературу по проблеме;
2. проанализировать фактический материал исследования;
3. выявить стереотипные представления, нашедшие отражение в русских пословицах и поговорках с точки зрения;
4. проанализировать тексты народных пословиц и поговорок с точки зрения их этнокультурных особенностей;
5. установить способы реализации стереотипов и национальной картины мира в языке.

Актуальность данной темы состоит в следующем: пословицы и поговорки являются значимой частью языка, они отражают культуру, особенность и основные ценности народа. Таким образом, работа с пословицами и

поговорками помогает не только расширить словарный запас, но и понять национальные особенности того или иного народа, что значимо в контексте решения комплексных задач, которые ставит перед собой учитель-словесник в процессе подготовки и проведения уроков и в рамках внеклассной работы.

Поставленные в магистерском исследовании цель и задачи исследования определили его **методы**: *описательный*, заключающийся в классификации, обобщении и описании собранного материала и опирающийся на *системный подход*, представленный в работах А.Д. Шмелева, В.А. Масловой и многих других исследователей; *метод контекстуального анализа*, *метод лингвокультурологической интерпретации* (В.Н. Телия), направленный на выявление культурной специфики языковых фактов, а также *метод статистической обработки*.

Практическая значимость исследования заключается в рассмотрении пословиц и поговорок как репрезентаций стереотипного знания, а также в рассмотрении пословиц и поговорок как текстов, отражающих специфику национального характера и стереотипов, что может быть использовано в работе учителя-словесника как в процессе проведения уроков, так и в ходе внеклассной работы.

Глава I. СТЕРЕОТИП НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

§1.1. Взаимосвязь языка и культуры в ментальной картине мира народа

Общепризнанно, что языковая картина мира имеет свою особенную репрезентацию в каждом национальном языке. Специфика того или иного лексикона есть отражение своеобразия культуры народа, особенностей его мировосприятия, миропонимания, мировоззрения, что обеспечивает перспективность исследования культуры этноса лингвистическими методами. Осознания этого факта и объединения усилий лингвистов и культурологов привело к возникновению нового интегративного научного направления – лингвокультурологии. Лингвистическая культурология – это научная дисциплина, изучающая процесс осмысления и отражения в национальном языке элементов материальной и духовной культуры народа (предметов и явлений объективной реальности, содержательных и динамических аспектов человеческой деятельности, артефактов). Основная задача лингвокультурологии – моделирование знаний о материальных и нематериальных объектах культуры того или иного этноса посредством всестороннего анализа его языка (в частности – словаря) [Кошарная 1999: 14-15].

Проблемой соотношения языкового и этнокультурного сознания издавна занимаются лингвисты, психологи и обществоведы. Ей посвящены труды многих отечественных (А.А. Потебня, Ф.И.Буслаев, В.А. Аврорин, В.З. Панфилов, Ю.А. Сорокин, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.В. Воробьев, М.К. Петров и др.) и зарубежных (Ф. Боас, Э. Сепир, Б. Уорф, К. Леви-Стросс, К. Пайк, С. Лэм и др.) исследователей. Однако многочисленные монографии и статьи наряду с несомненными достижениями, позволившими значительно приблизиться к пониманию сущности лингвокультурологиче-

ских явлений, оставляют все же без ответа ряд вопросов, число которых не только не убывает, но и стремительно растет. К тому же немало публикаций носит описательно-иллюстративный характер, что само по себе отнюдь не лишено научного смысла, поскольку готовит почву для создания теоретических основ современной лингвокультурологии, в частности, для формирования и совершенствования понятийно-категориального аппарата и раскрытия глубинных связей между явлениями языка, сознания и культуры.

Сложность решения поставленной проблемы объясняется серьезными разногласиями ученых в трактовке самих понятий «язык» и «культура». В то же время одной из центральных проблем лингвокультурологии является научное осмысление процесса формирования и отражения в языке отдельных концептов и концептуальной картины мира в целом посредством построения культурной парадигмы, характерной для того или иного культурного типа. Здесь особая роль языка в ряду других семиотических средств, обслуживающих культуру, обуславливается еще и тем, что он служит предпосылкой ее возникновения, основным способом существования, осознания и развития. Именно язык является главным условием и средством выполнения культурой ее основных функций:

- а) освоения и преобразования окружающего мира,
- б) коммуникативной (обмена социально значимой информацией),
- в) языкового (знакового) моделирования картины мира,
- г) кумулятивной (накопления и хранения информации),
- д) регулятивной (регламентирующей поведение людей в обществе),
- е) директивной, или воздействующей,
- ж) адаптивной (обеспечивающей гармонию «коллективного Я» (этноязыкового сообщества) с окружающим миром) – функции упорядочения и гармонизации человеческого бытия (Э.В. Соколов).

В цепи «язык» и «культура» необходимо воссоздать недостающий центральный элемент – сознание. Основные компоненты содержания культуры –

накопление и переработка информации, получаемой в процессе человеческой деятельности, являются функциями общественного сознания, по утверждению Е.И. Кукушкиной, в результате трудовой деятельности создает образы обыденного сознания, а вторичное преобразование мыслительного содержания служит источником творческого, воображаемого мировосприятия, которое развивает формы первичного освоения мира. Сознание культураносно, благодаря сложнейшим генетическим связям с мышлением и языком [Алефиренко 2005: 269-270].

При этом язык культуры – это результат концептуализации действительности. Так, Ю.С. Степанов заканчивает свои рассуждения о культуре следующей дефиницией: «Культура – это совокупность *концептов* и отношений между ними, выражающихся в различных «рядах» (прежде всего в «эволюционных семиотических рядах», а также в «парадигмах», «стилях», «изоглоссах», «рангах», «константах» и т.д.); надо только помнить, что нет ни «чисто духовных», ни «чисто материальных» рядов: храм связан с *концептом* «священного», ремесла с целыми рядами различных концептов; социальные институты общества образуют свои собственные ряды...- «*концептуализированные* области», где соединяются, синонимизируются «слова» и «вещи» - одно из самых специфических проявлений этого свойства в духовной культуре» [Степанов 1997: 38].

Как мы установили еще в ходе выполнения бакалаврского исследования, сегодня лингвокультурология уделяет особое внимание фразеологии в целом, включая – при её широком понимании – паремии, то есть пословицы и поговорки. «В связи с принадлежностью каждого отдельного человека к особой национальной культуре в современной науке становятся актуальными исследования межкультурных коммуникаций, соотношения языков и культур, изучение языковой личности».

«В связи с этим возникла лингвокультурология – гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляю-

щуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру (Опарина). Она позволяет установить и объяснить, каким образом осуществляется одна из фундаментальных функций языка – быть орудием создания, развития, хранения и трансляции культуры. Ее цель – изучение способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [Маслова 2004: 98].

Считается, что лингвокультурология как научная дисциплина возникла в последней четверти XX века благодаря работам В. фон Гумбольдта, который впервые сформулировал положение о взаимосвязи характера языка и характера народа. Широкую известность получили утверждения о том, что «разные языки по своей сути, по своему влиянию на познания и чувства являются в действительности различными мировидениями» и что «своеобразие языка влияет на сущность нации, поэтому тщательное изучение языка должно включать все, что история и философия связывают с внутренним миром человека» [Гумбольдт 1985: 377].

Идеи В. Гумбольдта в XIX веке в России развивал А.А. Потебня, которому принадлежит идея о «языке как деятельности». Он писал о языке, как о силе, творящей и преобразующей мысль. В своей работе «Мысль и язык» учёный обращает внимание на деятельно-творческую сторону языка, отмечая, что «язык есть средство не выразить уже готовую мысль, а создавать её, что он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [Потебня 1989:156]

В США идеи В. Фон Гумбольдта развивали Э.Сепир и Б.Л. Уорф, которым принадлежит гипотеза языковой относительности. Согласно этой гипотезе, люди, говорящие на разных языках по-разному воспринимают мир.

В.В. Воробьев определяет лингвокультурологию, как «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязы-

кового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления (система норм и общечеловеческих ценностей)» [Воробьев 1997: 34].

В работе «Этнопсихолингвистика и лингвокультурология» В.В. Красных определяет лингвокультурологию как «дисциплину, изучающую проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе, непосредственно связанную с изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» [Красных 2001: 12].

По мнению Карасика, лингвокультурология – это «комплексная область научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры» [Карасик 2002: 14]. В качестве основной единицы лингвокультурологии он выдвигает культурный концепт, а единицами изучения называет реалии и «фоновые значения, т.е. содержательные характеристики конкретных и абстрактных наименований, требующие для адекватного понимания дополнительной информации о культуре данного народа» [Карасик 2002: 20].

По мнению Е. И. Зиновьевой и Е. Е. Юркова, лингвокультурология является филологической наукой, «которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, коррелирующую с собственно языковым значением, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» [Зиновьева 2009:13].

Большой вклад в исследование проблемы взаимосвязи языка и культуры внесла А. Вежбицкая. По ее мнению, язык выражает человеческий опыт и является «лучшим доказательством реальности культуры» [Вежбиц-

кая 1997: 289], а «языковые данные оказываются решающими при выявлении фундаментальных моделей мышления у различных групп людей» [Вежбицкая 1997: 291].

Таким образом, «лингвокультурология— это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке» [Маслова 2002: 101].

В состав системы, с помощью которой человек понимает мир входят язык, мышление, сознание и память. Основное назначение этой системы – восприятие информации, ее переработка, сохранение и обмен ею с другими индивидами. Переработкой информации занимается мышление. Результатом работы мышления являются данные, которые организуются с помощью сознания и сохраняются в памяти. В сознании создается картина мира человека, которая на протяжении жизни может пополняться, изменяться.

Благодаря разнообразным системам общения и прежде всего благодаря языку, складывается общая для всего данного этноса или социума картина мира. «Языковая картина мира – это исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности» [Сусов 2006: 147].

Впервые термин «картина мира» употребил в своих работах по философии Л. Витгенштейн. В лингвистике это понятие стало использоваться благодаря немецкому языковеду Лео Вайсгерберу.

М. Хайдеггер уточнял, что «картина мира, сущностно понятая, означает не картину, изображающую мир, а мир, понятый как картина» [Маслова 2002: 100].

По мнению В. Н. Телия, «языковая картина мира – это неизбежный для мыслительно-языковой деятельности продукт сознания, возникающий в результате взаимодействия мышления, действительности и языка как средства выражения мыслей о мире в актах коммуникации. Метафора является одним

из наиболее продуктивных средств формирования вторичных наименований в создании языковой картины мира» [Телия 1988: 97].

По мнению Серебренникова Б.А., «картина мира – есть целостный глобальный образ мира, который является результатом всей духовной активности человека, а не какой-либо одной ее стороны. Картина мира как глобальный образ мира возникает у человека в ходе всех его контактов с миром. Поскольку в формировании картины мира принимают участие все стороны психической деятельности человека, начиная с ощущений, восприятий, представлений, и кончая высшими формами – мышлением и самопознанием человека, то всякая попытка обнаружить какой-либо один процесс, связанный с формированием картины мира у человека с неизбежностью окончится неудачей» [Серебренников 1988: 21].

Ю.М. Лотман писало, что «каждому отрезку исторического времени соответствует своя картина мира. В то же время, можно выделить универсальную картину мира, свойственную всему человечеству, правда, она будет слишком абстрактна. Так, для всех людей, по-видимому, характерна бинарная оппозиция (основной инструмент при описании или реконструкции картины мира) белого и черного, но у одних групп белое будет соответствовать положительному началу – жизни, а черное – отрицательному началу – смерти, а у других, например, китайцев, наоборот. У любого народа будет свое представление о добре и зле, о нормах и ценностях, но у каждого народа эти представления будут различными» [Лотман 1996: 57].

Ю.Д.Апресян обращал внимание на «донаучный характер языковой картины мира, называя ее наивной картиной» [Апресян 1995: 9]. С помощью языковой картины мира знания об окружающей действительности расширяются, или даже искажаются.

«Поскольку познание мира человеком не свободно от ошибок и заблуждений, его концептуальная картина мира постоянно меняется, «пере-

рисовывается», тогда как языковая картина мира еще долгое время хранит следы этих ошибок и заблуждений» [Маслова2002: 103].

Таким образом, языковая картина мира объединяет людей, говорящих на одном языке и создает их систему знаний и мире, отображенных в лексике, грамматике и фразеологии.

«Термин «языковая картина мира» – это не более чем метафора, ибо в реальности специфические особенности национального языка, в которых зафиксирован уникальный общественно-исторический опыт определенной национальной общности людей, создают для носителей этого языка не какую-то иную, неповторимую картину мира, отличную от объективно существующей, а лишь специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» [Маслова 2002: 103].

В. Гумбольдт писал, что «различные языки являются для нации органами их оригинального мышления и восприятия»[Маслова 2002: 104].

К концу XX в. самыми актуальными в лингвистике считались проблемы взаимодействия языка и культуры. В связи с этим появились работы Г.А.Брутяна, С.А.Васильева, Г.В.Колшанского, Н.И.Сукаленко, М.Блэка, Д.Хаймса, коллективная монография «Человеческий фактор в языке. Язык и картина мира» (М., 1988) и др.

Таким образом, картина мира человека тесно связана с языком. С помощью языка индивид создает свое представление о мире. Отображая окружающую действительность, человек сохраняет информацию в языке.

§1.2. Понятие стереотипа в современной лингвистике

По мнению В.В. Красных, стереотип – «структура ментально-лингвального комплекса, формируемую инвариантной совокупностью ва-

лентных связей, приписываемых данной единице и репрезентирующих концепт феномена, стоящего за данной единицей» [Красных 2001: 78].

Ю.А. Сорокин понимает стереотип как «некоторый процесс и результат общения согласно определённым семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технических принципов, принятых в некотором социуме. При этом семиотическая модель реализуется на социальном, социально-психологическом уровнях (стандарт) или на языковом, социально-психологическом уровнях (норма). Стандарт и норма существуют в двух видах: как штамп (избыточно эксплицированный сложный знак) или как клише (недостаточно эксплицированный сложный знак)» [Сорокин 1998: 56].

Эти «стандарты» (стереотипы) отражаются в языковой картине мира народа.

В публикации под названием «"Русская ментальность" в зеркале лексических данных» А.Т. Хроленко показывает, как фундаментальные черты русского национального характера ярко отражаются в нескольких лексических сферах:

1) слова, соответствующие определенным аспектам универсальных философских концептов (*правда/истина, долг/обязанность, свобода/воля, добро/благо*);

2) слова, соответствующие понятиям, существующим и в других культурах, но особенно значимым именно для русской культуры и русского сознания (*судьба, душа, жалость*);

3) слова, соответствующие уникальным русским понятиям (*тоска, удаль* и др.);

4) слова, отражающие специфику русского представления о пространстве и времени (пространственные и временные наречия и предлоги: *утром, наутро, под утро, с утра, поутру* и др.);

5) слова, определённым образом концептуализирующие события, случившиеся в жизни субъекта, или его планы на будущее (*собираюсь, постараюсь, успеется, сложилось, угораздилось* и др.);

6) модальные слова, частицы, междометия, выражающие не просто внутреннее состояние говорящего в момент речи, а его более или менее постоянную жизненную установку (*авось, небось, заодно, видно, же, как будто, угу, -то, -ка* и др.) [Черных 1999: 62].

Данные слова практически непереводимы на другие языки, а следовательно, они в полной мере отражают специфику национального менталитета.

Маслова В.А. писала, что «стереотипы имеют много общего с традициями, мифами, ритуалами, но от последних отличаются тем, что традиции и обычаи характеризует их объективированная значимость, открытость для других, а стереотипы остаются на уровне скрытых умонастроений, которые существуют в среде «своих» [Маслова 2002: 208].

В.А. Маслова также замечает, что «в основе формирования этнического сознания и культуры в качестве регуляторов поведения человека лежат как врожденные, так и приобретаемые в процессе социализации факторы – культурные стереотипы, которые усваиваются с того момента, как только человек начинает идентифицировать себя с определенным этносом, определенной культурой и осознавать себя их элементом» [Там же: 59].

Основной причиной появления стереотипов является сохранение и защита ценной определённой социальной группы помощью уверения других в своей индивидуальности. «Стереотипы – это крепость, защищающая традиции, взгляды, убеждения, ценности индивида, ему уютно за стенами этой крепости, ибо там он чувствует себя в безопасности. Поэтому любое посягательство на стереотипы есть покушение на безопасность индивида, он расценивает такие действия как покушение на основы своего миропонимания» [Платонов 2001: 139].

Один из вопросов, возникающих при изучении стереотипов – это насколько они объективны и отражают реальность. Единого мнения по этому вопросу нет. Если в основе стереотипа находится реальность, то он должен быть относительно устойчив, если же он целиком и полностью ложен, то он должен меняться в зависимости от исторической, международной и даже внутривнутриполитической ситуации в той или иной стране.

«Специалисты по этнической психологии, изучающие этнокультурные стереотипы, отмечают, что нации, находящиеся на высоком уровне экономического развития, подчеркивают у себя такие качества, как ум, деловитость, предприимчивость, а нации с более отсталой экономикой – доброту, сердечность, гостеприимство» [Маслова 2002: 58].

По мнению Е.Ю. Прохорова, стереотип является суперфиксированным явлением, которое не изменяется даже перед лицом реального опыта, опровергающего его истинность. [Прохоров 1997: 124].

Согласно Масловой В.А. важную роль в формировании стереотипов играет частота встречаемости определенных объектов, явлений в жизни людей, нередко выражающаяся в более продолжительных человеческих контактах именно с данными объектами по сравнению с другими, что и приводит к стереотипизации подобных объектов [Маслова 2002: 109].

Стереотипы о других народах позволяют человеку приспособиться к чужой культуре.

Ю. П. Платонов дает такое определение стереотипа: «устойчивое психическое образование, в котором схематизировано, упрощенно и эмоционально отражается некоторый достаточно сложный факт действительности, прежде всего образ какой-либо социальной группы или общности, с легкостью распространяемый на всех ее представителей. Стереотипы являются чувственно окрашенными образами, аккумулирующими в себе социальный и психологический опыт общения и взаимоотношений индивидов» [Платонов 2001: 131].

Стереотипы делятся на два вида. «Существуют автостереотипы, отражающие то, что думают люди сами о себе, и гетеростереотипы, относящиеся к другому народу, и как раз они более критичны. Например, то, что у своего народа считается проявлением расчетливости, у другого народа – проявлением жадности. Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать, чтобы «люди не смеялись». Поэтому стереотипы оказывают довольно сильное влияние на людей, стимулируя у них формирование таких черт характера, которые отражены в стереотипе» [Маслова 2002: 108].

Существуют и другие классификации. «Н. В. Уфимцева дифференцирует этнические стереотипы и культурные стереотипы: этнические стереотипы недоступны саморефлексии «наивного» члена этноса и являются фактами поведения и коллективного бессознательного, им невозможно специально обучать, а культурные стереотипы доступны саморефлексии и являются фактами поведения, индивидуального бессознательного и сознания, им уже можно обучать» [Маслова 2002: 109].

По мнению В.В. Красных, существуют стереотипы-образы и стереотипы-ситуации. «Примеры стереотипов-образов: пчела – труженица, баран – упрямый, а стереотипов-ситуаций: билет – компостер, аист – капуста» [Маслова 2002: 109].

Таким образом, каждый человек по-разному воспринимает окружающий мир. Он накапливает знания и с помощью них формирует собственную специфичную «картину мира». Стереотипные представления играют здесь важную роль.

Стереотипы часто реализуются в пословицах и поговорках, так как они впитывают культурный опыт народа.

Пословицы и поговорки являются незаменимым материалом для изучения языка и культуры того или иного народа. В. Фон Гумбольдт писал, что своеобразие каждого языка отчетливо и естественно выражается в

народной жизни [Гумбольдт 1985: 380]. Исследователь А. Тейлор отмечал, что пословицы дают нам представления о идеях и идеалах, которые движут людьми [Тэйлор 1975: 73]. В.И. Даль дает такое определение пословице: «Пословица – краткое изречение, поучение, более в виде критики, иносказания, или в виде житейского приговора» [Даль 1984: 23]. Пословицы многозначны, то есть, имеют и прямое, и переносное значения. Важно отметить, что пословицы одновременно выражают и всеобщие, и индивидуальные свойства отдельных народов. Одни и те же суждения представители разных национальностей выражают по-разному. Эти различия связаны с разнообразием этнографических, географических особенностей, обычаев, ментальности и т.д. Так, общими для всех народов мира оказываются идеи мира и добра, роли труда и знаний; уважение к хорошим человеческим качествам: трудолюбию, скромности, честности, – осуждение злобы и жадности, глупости и лени.

Проблема разграничения пословиц и поговорок является актуальной в современной науке. Мы будем пользоваться следующими определениями. Пословицы – образные выражения со структурой предложения, которые означают суждения (не понятия) и имеют либо только переносное значение, либо прямое и переносное. Например, нашла коса на камень; укатали Сивку крутые горки. Поговорки – устойчивые сочетания в форме предложения, которые имеют прямое значение и выражают суждение. Например, деньги – дело наживное; любви все возрасты покорны; двух смертей не видать, а одной не миновать. Пословицы – это «сгущение мысли» [Потебня 1989: 347]. «Весь процесс сжимания более длинного рассказа в пословицу принадлежит к числу явлений, имеющих огромную важность для человеческой мысли, можно сказать, характеризующих собою человеческую мысль...» [Потебня 1989: 348]. Пословицы накапливают в нашей памяти поэтические образы, которые мы потом извлекаем и используем в нужной ситуации.

На основе вышеприведённых определений мы можем сделать вывод, что пословица – это краткое народное устойчивое ритмичное по форме выражение, изречение, несущее обобщённый вывод. А поговорка – краткое, меткое, устойчивое выражение не являющаяся цельной фразой, и не несущая поучительный смысл. И пословица, и поговорка – продукты народной речи. Поговорка сходна с пословицей, но в отличие от пословицы, она не является полным суждением, а лишь его частью. Сам народ предлагает такое различие пословицы от поговорки: Поговорка – цветочек, а пословица – ягодка. Из чего можно сделать вывод, что в пословицах заключена народная мудрость, законченное суждение.

Пословицы создают культурный опят народа. Они отражают его историю, обычаи и верования. В.И. Даль приводит примеры таких исторических пословиц: летит гусь на святую Русь (о Наполеоне); где Мамай пройдёт, там трава не растёт.

Пословицы и поговорки отражают русские народные обычаи. Например, выражение не выносить сор из избы восходит к общеславянской традиции, согласно которой считалось, что, вынося сор из дома на обозрение соседей, человек ослабляет свое жизненное пространство, подвергает опасности не только себя, но и своих близких, чего допускать нельзя ни в коем случае.

Пословицы, являющиеся одним из видов устного народного творчества, заключают в себе наблюдения, накопленный жизненный опыт, мудрость народа, создавшего их. Они помогают лучше понять национальный характер людей, создавших эти пословицы, их интересы, отношения к различным ситуациям, их быт, традиции. Умение употреблять пословицы важно не только при непосредственном общении с носителями языка, но и при переводах художественных текстов. Изучение этого вида устного народного творчества позволяет глубже понять специфику и взаимосвязь различных культур.

В настоящее время активно развивается международное сотрудничество, происходит постепенное взаимопроникновение культур через обмен информацией в различных сферах человеческой деятельности. Человеческие сообщества, принадлежащие разным нациям, странам и континентам, перестают быть изолированными. Нас объединяет не только одна планета Земля, но и общие интересы выживания на этой планете, развитие цивилизации, развитие культур. Все это требует взаимодействия, взаимопонимания и сотрудничества. Для этого нужно элементарное понимание друг друга, необходимо знание языков, культур других народов. В частности, это происходит при движении лексических единиц из одного языка в другой, в результате чего обогащается лексика каждого языка в отдельности.

Тема национально-культурной специфики является достаточно традиционной для исследований в области фразеологии. На протяжении многих лет в работах по фразеологии (в особенности, если они выполнялись в рамках традиционного языкознания) утверждалось, что ФЕ представляют собой национально-специфические единицы языка, аккумулирующие культурный потенциал народа. Эта тема изучалась такими учеными, как А. Вежбицкая, В.Н. Телия, В.А. Маслова, Д.О. Добровольский и т. д. [Вежбицкая 1996; Телия 1996; Маслова 2004; Добровольский 1997].

В.Н. Телия пишет, что фразеологический состав языка «зеркало», в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание, именно фразеологизмы навязывают носителям языка особое видение мира, ситуаций.

Разные языковые сообщества, пользуясь разными инструментами концептообразования, формируют различные картины мира, являющиеся по сути основанием национальных культур.

В.А. Маслова отмечает, что истинными хранителями культуры являются тексты. Не язык, а текст отображает духовный мир человека. Именно текст напрямую связан с культурой, ибо он пронизан множеством культур-

ных кодов, именно текст хранит информацию об истории, этнографии, национальной психологии, национальном поведении, то есть обо всем, что составляет содержание культуры. Текст – набор специфических сигналов, которые автоматически вызывают у читателя, воспитанного в традициях данной культуры, не только непосредственные ассоциации, но и большое количество косвенных. В свою очередь, правила построения текста зависят от контекста культуры, в котором он возникает. Текст создается из языковых единиц низших уровней, которые при соответствующем подборе могут усилить культурный сигнал. Именно такими единицами в первую очередь и являются фразеологизмы [Маслова 2004: 98].

В.А. Маслова считает, что: «фразеологические единицы (ФЕ), отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы» [Маслова 2004: 82].

При рассмотрении фразеологии Маслова выдвинула следующие гипотезы:

1. в большинстве фразеологизмов есть «следы» национальной культуры, которые должны быть выявлены;
2. культурная информация хранится во внутренней форме ФЕ, которая, являясь образным представлением о мире, придает фразеологизму культурно-национальный колорит;
3. главное при выявлении культурно-национальной специфики – вскрыть культурно-национальную коннотацию.

«Фразеология есть фрагмент языковой картины мира. Фразеологические единицы всегда обращены на субъект, то есть возникают они не столько для того, чтобы описывать мир, сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и выражать к нему субъективное отношение» [Маслова 2004: 84].

При исследовании национальной специфики Д.О. Добровольский выделяет два подхода. Первый подход называется сравнительным, при котором национально-культурная специфика одного языка определяется относительно другого языка. Второй подход – интроспективный, при котором национальная специфика языка рассматривается глазами его носителей, то есть производится самоанализ, самонаблюдение [Добровольский 1996: 104].

При сравнительном подходе специфичными признаются все факты языка 1 относительно языка 2, которые представляются нетривиальными с точки зрения традиционной народной культуры из перспективы языка 2 (и соответствующей культуры). При этом не является важным то обстоятельство, что многие из выделяемых в качестве специфических фактов могут иметь место и в других языках (культурах).

Интроспективный подход основан на представлении о наличии «имманентных» национально-культурных характеристик безотносительно к специфике других языков и культур. Задача исследования формулируется как поиск ответа на вопрос, в чем состоит национальная специфика языка 1 глазами его носителей. Наиболее адекватными исследовательскими приемами в этом случае представляются опрос информантов и различные тесты, направленные на выяснение отношения носителей языка к соответствующим лингвистическим фактам. Так, например, сигналом наличия «имманентной» национальной специфики может быть мнение о неуместности данного высказывания в устах иностранца. При сравнительном анализе одним из важнейших критериев оказывается возводимость установленных межъязыковых различий к специфике соответствующих культур, в то время как интроспективный подход предполагает обращение к интуиции носителей языка, характеризующих некоторые явления как свои и только свои, то есть сугубо национальные. Явления, отобранные в качестве специфических на основе сравнительного подхода, могут не только не совпадать

с кругом явлений, выделенных на основе интроспективного подхода, но даже не иметь с ним точек соприкосновения [Добровольский 1996: 107].

Весьма важным компонентом во фразеологизмах является культурная коннотация. Культурная коннотация фразеологизмов определяется ценностями определенной культуры. Это то, что является специфичным для отдельной нации, культуры. Культурная коннотация возникает как результат интерпретации ассоциативно-образного основания ФЕ через соотнесение его с культурно-национальными стереотипами [Маслова 2001: 55], в результате чего мы и раскрываем их культурно-национальный смысл и характеризуем их в зависимости от культурной ценности, как положительные или отрицательные.

Таким образом, именно культурная коннотация придает культурно-значимую маркированность ФЕ и даже всему тексту. Средствами передачи этой культурной коннотации, по мнению А. Вежбицкой являются ключевые слова, которые находятся в центре фразеологизма. Формируя определенные, центральные для некоторой области культуры, свойства и функционируя в данном качестве во фразеологизме, ключевые слова «могут привести нас в сердцевину целого комплекса культурных ценностей и установок» [Вежбицкая 2001:38]. Анализируя вышесказанное, мы приходим к тому, что фразеологизмы являются носителями культурно-национальной информации. ФЕ сохраняют и воспроизводят менталитет народа, его культуру.

Так как фразеологизм связан со стереотипом, то именно фразеологизм является средством выражения этого стереотипа, который в свою очередь связан с определенным представлением или образом, выраженным в данном фразеологизме. И это в полной мере относится к пословицам и поговоркам. В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относят к содержательной стороне языка и культуры, то есть понимается как ментальный стереотип, который соотносится с языковой картиной мира. Так, у Е. Бартминского языковая картина мира и языковой стереотип

относятся как часть и целое, и языковой стереотип понимается как «суждение или несколько суждений, относящихся к определенному объекту внеязыкового мира, субъективно детерминированное представление определенного предмета, в котором сосуществуют описательные и оценочные признаки и которое является результатом истолкования действительности в рамках социально-выработанных познавательных моделей» [Маслова 2001: 58].

Выводы по 1 главе

Языковой стереотип – это не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов. Употребление таких стереотипов облегчает и упрощает общение, что позволяет экономить силы коммуникантов. Кроме того, они отражают в своей семантике долгий процесс развития культуры народа, передают национальный характер, исторический и культурный колорит. Мы многое можем узнать о быте, менталитете народа, исходя из внутренней формы лингвистической единицы. То есть пословицы и поговорки формируются через стереотип. Но может происходить и обратный процесс, когда стереотип формируется посредством пословицы или поговорки.

Интерпретируя пословицы и поговорки на базе соотношения их образных восприятий со стереотипами, отражающими народный менталитет, мы тем самым раскрываем их культурно-национальный смысл и характер, что и является содержанием национально-культурной коннотации.

Таким образом, отражение стереотипов в фольклорно-языковой картине мира выражено очень ярко, при этом только в соотношении образов с понятиями, смыслом мы можем выявить культурно-национальную значимость того или иного устойчивого выражения.

Глава II. СТЕРЕОТИПЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА НАРОДА

§2.1. Пословицы и поговорки как тексты языка и культуры

Правильное и уместное использование пословиц и поговорок придает неповторимое своеобразие и выразительность. Какими великолепными ни были все эти краткие пословичные речения, их сила была впереди – она являлась в разгаре беседы, когда надо было подкрепить речь метким замечанием, наблюдением, заключением, выявить самую суть сказанного. Так, про неуверенного, сомневающегося, ещё не всё решившего для себя жениха говорили: «Молодец жениться, а во сне ему бредится: не платить бы попятного». Про завистливого человека говорили: «*В чужих руках пирог (или: ломоть) велик*». Пословица сходна с прямым суждением: «*Не зарься на чужое!*» Исходная мысль и здесь и там одна и та же, только в первом случае она подразумевается, а во втором – выражена как наставление. Пословицы ценны своей исходной жизненной позицией.

В повседневной жизни пословицы и поговорки тесно прижились в нашей речи: «Ученье – свет, а неученье – тьма»; «*Сделал дело – гуляй смело*» или «*Делу – время, а потехе – час*»; «*Не имей сто рублей, а имей сто друзей*» или «*Друг познаётся в беде*».

Мы сами не замечаем, как пословицы и поговорки звучат в устной речи каждого. Примеры использования пословиц и поговорок можно найти и в письменной речи, литературе. Особенно много можно встретить эти крупинки мудрости в русских народных сказках. Например, всем известная сказка «Лиса и журавль»: «...Взяла лису досада. Думала, что наестся на целую неделю, а домой пошла – несолоно хлебала. Как аукнулось, и откликнулось». В сказке «Два мороза» также есть пример поговорки:

«...молод ты, брат. Поживёшь и узнаешь, что топор лучше шубы греет». Во всем известной сказке Е. Шварца мы находим следующие слова: «... на двери напишите пословицу: *Делу время, потехе час*....».

В кинофильмах, песнях, то есть продуктах массовой культуры, так же употребляются пословицы и поговорки в названиях – «Москва слезам не верит». В песне А.Б. Пугачёвой также упоминается пословица: «*Делу время, а потехе час*».

Так как пословицы и поговорки являются продуктом речи, то следует предположить, что они могут изменяться под влиянием времени и истории.

В наше время пословицы и поговорки переделывают на новый лад. Например, была пословица: «Не топор тешет, а плотник»; а с развитием сельскохозяйственной техники стали говорить: «*Не трактор пашет, а тракторист*». Раньше всегда говорили: «*Один в поле не воин*», а во время Великой Отечественной Войны у наших солдат эта поговорка звучала по-новому: «*Если по-русски скроен, и один в поле воин*», воспевая тем самым дух и героизм русского солдата.

Пословицы и поговорки затрагивают все значимые реалии, предметы быта, особенности жизни, все области человеческого бытия, традиций, обычаев, всей жизни, включая жизнь души человека, его здоровье, нрав, национальный характер. Составитель знаменитого Словаря пословиц и поговорок русского народа В.И. Даль вычленил в ряду пословиц 179 рубрик. Среди них имеются пословицы о вере (в центре их внимания – бог, грех, набожность), о судьбе человека, о счастье, о богатстве, достатке, и бедности, нищете, о скупости, о бережливости и прочем. В своем сборнике В.И. Даль отождествляет понятия « правда», « добро», « совесть» и « справедливость». Свои мысли и отношение к этим понятиям он подтверждает народными пословицами и поговорками: « *В нем правды нет, совести*», « *Кто правдой живет, тот добра наживет*», « *Не все то правда, что говорится*», «*Не ищи правды в других, коли в тебе ее нет*». Жить по правде

в русском языке всегда означало, жить по не писанным, но традиционным, правилам добра и справедливости, по Божьим Заветам.

Русский человек на протяжении своей истории – в отношении с собой и в отношении с другими – предпочитал богатство духовное материальному богатству. Предпочтение духовного богатства традиционно в России считалось более высокой целью, нежели приобретение материального блага.

Характерные черты русской души – это доброта, человеколюбие, сердечность, гостеприимство. Многие пословицы и поговорки отражают эти характерные – стереотипные – черты русского человека: *«С добрым жить хорошо», «Делать добро спеши», «Доброму бог помогает», «Доброе дело и в воде не тает», «Жизнь дана на добрые дела», «Добро век не забудется», «Доброе дело крепко», «Доброе дело на век». К доброму человеку справедливо относится судьба: «Злому – смерть, а доброму – воскресение». Но слишком смиренного пословицы осуждают: «Его разве только ленивый не бьет», «Смирную собаку и кочет бьет».*

Православие оказало огромное влияние на историческую судьбу страны и во многом определило характер народа, населяющего нашу необъятную Родину. Традиционно русские всегда считались народом очень религиозным. Народным идеалом всегда являлось не могучая или богатая, а Святая Русь. Религиозность – это одна из глубинных черт русского характера. Религиозное мировоззрение сыграло важную роль в формировании как нации в целом, так и русской личности в отдельности. Эта характерная и очень важная черта национальной русской души. Пословицы показывают веру русского народа в Бога: *«Жить богу – служить», «Велико имя господне на земли», «Сильна божья рука. Божья рука – владыка», «Даст бог день, даст бог и пищу». Русские пословицы осуждают грех и проступки: «Без греха веку не изживешь, без стыда рожки не износишь», «Невольный грех живет на всех», «В чем грех, в том и покаяние».*

Правда, некоторые поговорки намекали на то, что вера не предполагает людского бездействия – это не способ переложить обязанности человека на высшие силы: *«На Бога надейся, а сам не плошай»*, *«Богу молись, а в делах не плошись»*, *«Богу молись, а к берегу гребись»*.

Характерными чертами русской национальной души являются гостеприимство, щедрость и широта натуры. Русское гостеприимство общеизвестно: *«Хоть не богат, а гостям рад»*. Для гостей всегда приготовлено лучшее угощение: *«Коли есть, что в печи, все на стол мечи!»*, *«Гостю щей не жалея, а погуще налей»*. Эти пословицы говорят о том, что как бы трудно не жили люди, а гостя встретят хорошо, поставят все лучшие, никогда не покажут, что у них хуже, чем у других.

Русские люди встречают гостя на пороге своего дома с хлебом-солью. Обычай преподносить хлеб – соль пришел из глубины веков и сохраняется в России до сих пор. *Хлеб-соль* – это приветствие, выражение радушия, пожелание гостю добра и благополучия: *«Хлеб-соль кушай, а добрых людей слушай»*. И вообще без хлеба нет жизни; нет русского истинного стола без хлеба. В России отношение к хлебу особенное. Все тяготы и лишения, которые произошли, в России доказывают это. Достаточно вспомнить тяжелые годы блокады Ленинграда, во время Великой Отечественной войны, когда хлеба было мало, и он выдавался по несколько грамм в день, ценилась каждая корочка, каждая крошка. Ценность хлеба наш народ пронес через все испытания, это передавалось с молоком матери и почитается, по сей день. Об этом говорят и русские пословицы: *«Хлеб всему голова»*, *«Хлеб на стол, так и стол – престол»*, *«Плох обед, коли хлеба нет»*, *«Хлеб дар божий, отец, кормилец»*, *«Хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай»*.

Соль, как известно, играет важную роль в жизни человека. В древний Киев соль ввозилась из Прикарпатья. Недостаток соли в Древней Руси считался настоящим бедствием. Нехватка соли вызывала народные волнения, в

истории известны соленые бунты. В то время соль была очень дорогой, она ценилась буквально на вес золота. С солью связано много красочных выражений и поверий. Рассыпать соль – к несчастью, уйти не с чем – «уйти не солоно нахлебавши». А чтобы лучше узнать человека, надо с ним пуд соли съесть. Хлеб олицетворяет силу и здоровье, а соль – богатство! Хочется еще раз сказать, что хлеб и соль стали символом гостеприимства и радушия русского народа. *”Без соли, без хлеба худая беседа”, ”Без хлеба – смерть, без соли смех”.*

Отличительной чертой русского народа является его отзывчивость, умение понимать другого человека, чуткое отношение к чужому душевному состоянию, способность интегрироваться с культурой других народов, уважать ее. Удивительная этническая терпимость, а также исключительная способность к сопереживанию, умение понимать и принимать другие народы позволили русской нации создать невиданную в истории империю. И эта черта отражается в народных пословицах и поговорках: *«Кто нас помнит, того и мы помянем», «За добро добром платят».*

Русскому народу свойственны такие качества как гуманизм, доброжелательность в отношении других народов, самопожертвование, взаимное уважение людей, их национальных обычаев и культуры. Особое внимание русские уделяют отношению к соседям: *«Худое дело обидеть соседа», «Жить в соседях – быть в беседах», «Близкий сосед лучше дальней родни», «Межи да грани – ссоры да брани».* Нельзя не упомянуть еще о таких качествах, как терпение и стойкость. Русский народ обладает безграничным терпением, с удивительной стойкостью переносит трудности, лишения, страдания. Умение приспосабливаться к непростым, а порой и просто невыносимым условиям жизни, надеяться на лучшие и верить в чудо – это способ существования и выживания нашего народа. Не трудно найти отражение этой черты в русских пословицах и поговорках: *«Терпение – лучше*

спасенья», «Терпение даст умение», «На хотенье есть терпение», «Век живи, век надейся», «Слава Богу, не без доли: хлеба нет, так дети есть».

Обратимся теперь к пословицам и фраземам, которые наиболее полно сохраняют представления народов о судьбе.

По В. фон Гумбольдту, «наиболее отчетливо проявляется своеобразие каждого языка в поэзии, где устройство конкретного материала налагает на дух менее всего оков. Еще естественнее это своеобразие выражено в народной жизни и в связанных с ней типах литератур» [Гумбольдт В. фон 1985: 380], поэтому мы обратимся к непосредственным народным произведениям, а именно к фольклору. Истинными хранителями духовной культуры являются тексты. Именно текст напрямую связан с культурой, так как он пронизан множеством культурных кодов. Фразеологизмы, пословицы и поговорки, которые являются структурными компонентами текста, способны усиливать культурный сигнал. Они являются лингвокультурным выражением этнического самосознания.

Пословицы (поговорки, фразеологизмы) – знаки определенных жизненных или мыслимых ситуаций. Они передают суть этой ситуации. Восприятие какой-либо ситуации во многом зависит от опыта человека, от сконструированной в его сознании картины мира, национальную специфику которой передают концепты. Исследование фольклорной лексики, в особенности мифологических номинант, несомненно, необходимо при построении мифологических представлений народа, также представляет собой продолжение языческой мифологии.

Понятие *судьбы* в русском фольклоре складывается из трех его составляющих: 1) судьба как высшая сила над людьми, 2) судьба как данное человеку богом, 3) судьба как богом предназначенное/сужденное. Каждый из данных смыслов при словоупотреблении может быть главным, определяющим. Самый старинный пласт в народной мысли составляют мудрые изречения, называемые рунами, которые подтверждают важность всех трех

значений: 1. *Утром всяк должен умыться и причесаться, а также и поест: как знать, куда пойдешь к вечеру! Плохо перед судьбой склоняться* [Буслаев Ф.И. 2003: 51]; 2. *Прохожему судьба кажет путь* [Там же].

В составе фразеологических сочетаний ключевой компонент *судьба* не переосмысливается, а входит со своим содержанием, сформированным в русской культуре и отраженным в текстах фольклора. Устойчиво связанная с ключевым компонентом лексема выбирается в зависимости от той или иной концептуальной составляющей понятия судьбы; лексема в соединении с базовым концептом точнее очерчивает образ, уточняет его и показывает в движении. Так, базовый концепт судьбы как высшей силы в ряду фразеологически связанных сочетаний раскрывается как цельный фрагмент данного видения: *судьба предназначает, ломает, посылает, игра судьбы* и т.п.; *судьба* как данное человеку богом входит в сочетания типа *лишить судьбы, потерять судьбу* и т.п.; *судьба* как предназначенное или сужденное дана в сочетании типа *не судьба (делать что-либо)*.

Среди слов, которые указывают на контроль событий какой-то внешней по отношению к их субъекту силой, в русском языке существует множество слов, содержащих те или иные указания на высшие силы, которые распоряжаются жизнью человека. Сравним данные синонимических словарей: *судьба, судьбина, рок, удел, жребий, доля, участь, предназначение, предопределение, провидение, промысел, фатум, фортуна, планида, звезда*.

При исследовании данных номинаций, мы выделили следующие тематические группы, характеризующие ключевой компонент, которые наиболее точно помогают понять народное восприятие «судьбы»:

1) Люди, которые верят в судьбу, считают, что человек только рождается, а его **жизнь до последних дней уже предопределена**. И когда с человеком вдруг что-то произошло, в оправдание сразу все говорят: «*Знать, так на роду написано*», «*Знать, уж так суждено*», «*Так богу угодно было*»,

«Видно, судьба такая». Здесь судьба выступает как некая данность, она дана богом или кем-либо еще, но она есть и от нее никуда не деться.

2) Следующая группа пословиц показывает то, что судьба часто интерпретируется как **неизбежность**, против нее бесполезно бороться, она неотделима от самого человека и что бы человек не делал ему своей судьбы не избежать, ее не обмануть: «*Что будет, то будет, того не минуешь*», «*Чему быть, тому и статься*», «*Хоть виляй, хоть ковыляй, а не миновать*». По таким пословицам, как «*От греха не уйдешь*», «*Коли быть беде, то ее не минуешь*» ясно, что некоторые связывают судьбу с бедой, приносящей несчастье. «*От своей тени не убежишь*», «*Судьбу за хвост не схватишь*» - отсюда следует, что судьба не имеет внешнего облика, а как тень преследует человека по пятам.

3) Многие пословицы подчеркивают **изменчивость судьбы**: «*Сегодня – полковник, а завтра – покойник*», «*Нынче – жив, а завтра – жил*», «*Рок головы ищет*», но эта изменчивость может быть и к лучшему и к худшему, человек не может жить без надежды на благосклонность судьбы.

4) Считается, что и сама **смерть судьбой predetermined** заранее, а именно где, когда, кому суждено умереть: «*Кому повешену быть, тот не утонет*», «*Коли быть собаке битой, найдется и палка*», «*Смерть придет – причину найдет*», «*Солдату умереть в поле, матросу в море*». Эту мысль подтверждают случаи, когда человек побывал в опасных местах, где каждую минуту можно было встретить смерть, но остался жив, а умер дома вскоре после возвращения. В связи с этим говорят: «*Гулял млад на Волге, а смерть обрел близ невдолге*» (в этой поговорке отражается прошлое: на Волгу шли на заработки крестьяне из соседних губерний. Заработанные деньги они обычно не пересылали по почте, а хранили при себе, и поэтому часто становились жертвами разбойников [Зимин, Спириин 1996]).

5) Судьба молодых людей также была решена, потому что **супружеские пары определены заранее**: «*Сужена ряжена не обойдешь и на коне*

не объедешь», «Суженого и на кривых оглоблях не объедешь». Бывает, что супруги внешне или внутренне схожи, и в таком случае говорят: «Кому на ком жениться, тот в того и родится».

б) Вера в предначертания судьбы не исключает веру в случай. А когда случается что-то неожиданное, что выходит за рамки народных обычных представлений, то это: *«Ирония судьбы», «Игра случая», «Судьба играет человеком», «Игра судьбы».* Здесь судьбе распределительнице близок тип **судьбы играющей**, которая вытаскивает **жребий**. Соответственно реализуется идея превратностей, неожиданных поворотов, непредвиденных обстоятельств – с одной стороны: *«По людям пойдет, и до нас дойдет», «Сегодня мне, завтра тебе»,* а с другой – идея личной удачи или неудачи: *«Придет время – будет и наш черед», «Не всякая пуля в кость да в мясо, иная и в поле», «Не всякий гром бьет, а и бьет, да не по нас».* Жребий может пасть на кого угодно и неизвестно кому что выпадет. Играющая судьба определяет то, что она играет человеком и человек играет ею. Таким образом, человек становится игрушкой и игроком. Он играет, постоянно рискует, так как рассчитывает на удачу и вот выигрывает – это, несомненно, фортуна. Но если игра становится зловещей и бесовской, тогда уже фортуна превращается в фатум. В русском языковом сознании не особо выражены слова: **фортуна, фатум**. В славянских словах, восходящих к праславянскому *doba, также отмечаются значения, связанные со случаем и судьбой. Сравним польск. *doba* «судьба, случай», болг. *доба* «время, пора; случай», здесь видна взаимосвязь судьбы и времени [Логический анализ языка 1997: 52].

7) Установить закономерности судьбы практически нельзя. Жизнь полна неожиданностей, которые не укладываются в голове: *«Пути господни неисповедимы», «Дивны дела твои, господи, - корова черная, а молоко дает белое».* При исследовании мы выявили, что в народном сознании судьба понимается как данность от Бога, и, что соответственно **Бог управляет судьбой** человека: *«Человек ходит, бог водит», «Человек по-своему, а бог по-*

своему», «Выше божьей воли не будешь», «Святая воля его», «Кривую стрелу бог прямит», «Дурак стреляет – бог пули носит». В 45 пословицах из 150 есть прямое указание на Бога и на его волю, что все будет как Богу угодно.

Отметим, что славянское **bogъ* соотносится с авестийскими *baxta* – «определение судьбы», *baxs* – «делить, получать свою часть». По видимому, более древним значением слова бог было «тот, кто распределяет судьбу» или «наделяющий богатством» [Кошарная 1999: 39].

«У каждого свое место под солнцем» и люди, казалось бы, все должны жить одинаково счастливо, но при этом «У каждого своя доля», «Каждому свое счастье», «Каждому свой жребий».

8) Эксплицитно связь судьбы и времени представлена, например, в русском «*Доля во времени живет, бездолье в безвременьи*». Однако есть основания думать, что восприятие времени у славян было преимущественно связано с представлением о судьбе как случае, выпадающем на долю человека, судьбе капризной и переменчивой, как лат. *Fortūna*, которым семантически соответствует в славянских языках русское *Счастье* «счастливая участь». Долю человек получает при рождении: «*Судьба придет, ноги сведет, а руки свяжет*», ею наделяются лишь однажды. Доля может быть горькой и тяжкой, тогда она называется недолей, бесчестьем: «*Недоля сталась – напасть досталась*». Господня воля и есть Божья судьба: «*Господня воля – наша доля*». Однако есть и отклонения от прирожденной доли. Большинство из них – результат проявления своеволия, т.е. дурной воли, и в этом случае отклонения от предназначенной судьбы всегда плохи. Об это говорит пословица: «*Своя волюшка доводит до горькой долюшки*», «*Волю дать – добра не видать*», «*Больше воли – хуже доля*», «*Дай себе волю, заведет тебя в лихую долю*». У каждого своя доля то ли горькая, то ли счастливая, вот поэтому и выходит, что: «*На одно солнце глядим, да не одно едим*», «*Под кем лед трещит, а под нами ломится*», «*Денег нет, зато детей много*», «*Кто весел, а кто нос пове-*

сил», «Кто скачет, а кто и плачет». В связи с этим горько иронизируют, перфразируя известную поговорку: «Счастливые часов не наблюдают, а несчастливые их закладывают». То есть человек стремится к лучшей жизни, и ради этого готов на все, но тут у русского человека возникает проблема: ведь как бы в жизни не складывалось все хорошо, он ею недоволен – не умеют русские люди радоваться жизни, наслаждаться ею в настоящий момент.

9) При столкновении с **роком** весьма целесообразно горестное состояние: «Рок головы ищет», «Никто от своего року не уйдет», «Бойся не бойся, а року не миновать». У слова рок отрицательная коннотация, поэтому можно сказать злой рок, но нельзя добрый рок. Коннотация может менять свой знак на противоположный без каких-либо явных причин. «Ловит волк роковую овцу», здесь «роковой» - «обреченный смерти», речь идет по сути о сроках жизни, которыми распоряжаются некие высшие силы. Рок и часть тоже связаны друг с другом. Даже в современном русском языке эта связь осознается: рок и участь одинаково означают судьба, только участь – часть, может, будет, а может, нет, и от самого человека зависит выбор своей «части» в жизни. Рок же приходит в свой с-рок, иногда он существует сам по себе, но тогда «Рок головы ищет», то есть стремится на кого-нибудь пасть, кому-то доставить неприятность или беду. В последствии некоторые славянские языки использовали это слово для обозначения года, например, украинское рік – это год. В русском языке за словом рок сохранилось значение неподвластной человеку судьбы. Для каждого из указанных значений мы можем подыскать цитату из древних текстов. Час в значении 1/24 суток появляется много раньше, чем год в значении 365 дней. А год и рок вступили в конкуренцию и потому вытеснили друг друга: в украинском победило слово рік – в русском год [Колесов 2005: 61].

10) Русский народ живет, при этом зная, что: «Жизнь – полосатая», после горя всегда будет счастье, а тут уж «Кому какая полоса выпала» или

«Полоса пробежит – другая набежит», здесь судьба представляет собой **линию**.

11) Обязательно в чем-то повезет, каждому свое выпадает: «*Несчастлив в игре, так счастлив в любви*», «*Счастливая планида выпала*», значит кому-то очень повезло, а «*Несчастливая планида выпала*» - очень не повезло кому-либо. Эти выражения происходят, очевидно, от гадания по гороскопу, в соответствии с которым счастье человека зависит от положения звезд и планет (устар. планида) во время его рождения. Отсюда получается, что рождаются баловни судьбы - «*Под счастливой звездой (или: планетой, планидой) родился*», даже если человек средних способностей, главное, что бы он был очень удачлив во всех делах и тогда про него скажут «*С неба звезды хватает*». Явным знаком проявляет себя судьба под именем звезды/планиды. «*Под планидой рожден*» (образ звезды или планиды ассоциируется с образом небесной или высшей силы: интересно в этом плане сравнить данные примеры с оборотом *в рубашке родился*: смысл предназначенного общий, но разный образно-ассоциативный комплекс представлений).

12) Ранее мы говорили уже о том, что человек с рождения наделен судьбой, а именно долей, но кроме доли он еще может выбрать свою **часть**, которая может быть и **участью** и **счастьем**: «*Бойся не бойся, а от части своей не уйдешь*», «*Злая напасть – и то часть*», «*Не накормить коня сухопарого, не наделить дитя несчастное*». Слово счастье используется часто, это та же судьба, но положительно окрашенная, желанная судьба, хотя и она изменчива: «*Счастье что палка: о двух концах*». Известно, что оно дороже всего на свете, но его не ищут — оно само придет случайно как божий дар. Счастье определяется судьбой, но вызывает зависть окружающих, его лучше не выставлять напоказ: «*Счастливым быть — всем досадить*».

В русских пословицах зачастую не разведены понятия «судьба» и «счастье». С отрицательной коннотацией слово *судьба* употребляется ред-

ко, чаще заменяется конкретными по смыслу *беда, участь, часть, рок, доля, напасть* — в отрицательном восприятии того, что *«рок судил»*. При этом и судьба-счастье и рок-беда – это предопределенности: *«Прошлого поминаем — грядущего чаем»*. *«Судьба придет — по рукам свяжет»*, *«от судьбы не уйдешь»*.

Созданные в веках, переходя из поколения в поколение, пословицы и поговорки поддерживали уклад народной жизни, крепили духовный и нравственный облик народа. Это как заповеди народа, которые регулируют жизнь каждого человека. Это выражение мыслей, к которым народ пришел через вековой опыт.

Пословицы и поговорки представляют собой народную мудрость, выражают истину, проверенную многовековой историей народа, опытом многих поколений. Они сообщают нам различные явления окружающей нас действительности, помогают понять историю нашего народа. В пословицах и поговорках выражены радость и горе, гнев и печаль, любовь и ненависть, ирония и юмор. Поэтому в текстах пословицы и поговорки приобретают особое значение. Они не только усиливают выразительность речи, придают остроту, углубляют содержание, но и помогают найти путь к сердцу слушателя, читателя, завоевать их уважение и расположение.

Пословицы и поговорки создавались простыми людьми. Они не знали грамоты, и не было у них другого способа сохранить свой жизненный опыт и свои наблюдения.

В пословицах отразились не только общественные отношения, но и частная жизнь людей, их отношений друг к другу в семье, в домашней жизни. Женил ли крестьянин или горожанин сына, выдавал ли замуж дочь, наказывал ли вора, сокрушался о болезни близких – на все случаи были пословицы, содержательные по смыслу и поучительные. *«Своя себе семейка – свой простор»*, *«Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки»* (т.е. некому оберегать), *«Грабежи есть, воровство есть, а*

воров нет», «*В чем душа держится*». Пословицы и поговорки учат, советуют, предостерегают, хвалят трудолюбие, честность, смелость, доброту; высмеивают зависть, жадность, трусость, лень; осуждают эгоизм, зло; поощряют прилежание, благородство, упорство.

Пословица учит человека с самого раннего возраста: «*Нет друга надежней матери*», «*Кто матери не послушает, в беду попадет*». Не старятся мысли о необходимости труда и учебы, составляющие главные напутственные слова молодому поколению: «*Труд человека кормит, а лень портит*», «*Где труд, там и счастье*», «*Ученье да труд к счастью ведут*», «*Век живи, век учись*».

Народная мудрость учит преодолевать трудности: «*Горе горюй, а руками воюй*» (т.е. работай), «*В беде руки не опускай – трудности преодолевай*». Содержат советы и пожелания: «*Не зная броду, не лезь в воду*», «*Не руби сук, на котором сидишь*», «*Не плюй в колодезь, из которого напитокся придется*». И до сих пор, когда трудно сделать выбор или принять какое – то решение, мы говорим: «*Утро вечера – мудренее*».

Не каждое выражение становится пословицей, а только то, которое совпадает с образом жизни и мыслями множества людей. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. О природе устного народного творчества не раз говорил М. Горький. Он видел в нем «коллективное творчество всего народа, а не личное мышление одного человека». Каждый выдающийся певец, сказитель в фольклоре для М. Горького был прежде всего носителем той мудрости, которую накопил народный опыт».

Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что – либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина. Пословица призывает следовать ее мудростям, даже говорят: «*Как пословица говорит, так и действуй*», она вселяет уверенность в людях в том, что опыт народа ничего не пропускает и ничего не забывает. Стоит прислушаться, как определенно и категорично они звучат: «*Что по-*

сеешь, то и пожмешь» иными словами можно сказать, как сам будешь относиться к людям, такое отношение получишь в ответ – это не надо проверять – это истина. « В чужой монастырь со своим уставом не ходят», не надо навязывать свое мнение или устанавливать новые порядки, надо научиться терпимо, относиться к другим.

Выражения известных, великих, умудренных жизненным опытом людей стали пословицами и поговорками. Достаточно привести пример русского полководца и военного теоретика Суворова А.В.(1730 – 1800 гг.), такие как « *Дело мастера боится*», « *Ученье свет, а не ученье – тьма*», « *Сам погибай, а товарища выручай*», « *Пуля дура – штык молодец*» вошли в нашу жизнь, как пословицы и стали олицетворением мудрости.

История России и быт русского народа прослеживается в пословицах и поговорках, где показаны особенности русского человека, его не похожесть на других. С древности русский человек привык жить в общине, вести коллективное хозяйство, создавать артели. « *Артель воюет, а один горюет*», « *Артельный котел гуще кипит*», « *Артелью хорошо и недруга бить*», « *Артель дружбой крепка*».

Все эти пословицы говорят о том, что когда вместе выполняется работа, возникает крепкая дружба, взаимопомощь, легче защитить себя, когда не один и голодным не останешься, всегда помогут. Кто выделялся из общей массы, обособливался и вел единоличное хозяйство, не понимали и осуждали. « *Одной рукой и узла не завяжешь*», « *одному ехать и дорога долга*», « *одному жить – сердце холодить, а на людях и смерть красна*». Эти примеры наглядно показывают, что одной из отличительных черт русского национального характера и его самобытности является общинная жизнь.

Основное население в России до недавнего прошлого составляло крестьянство со своеобразным мировоззрением. Особое отношение к земле, общинный уклад жизни, предпочтение устного слова письменному, пу-

таница в понимании собственности привели к своеобразному представлению о законности в России. «Латинскому выражению «закон суров, но все же он закон», на котором базируется европейское законопослушание, русский крестьянин противопоставил пословицу «закон, что дышло, куда повернешь туда и вышло». Эта позиция оказалась очень живучей в России».

Пословицы и поговорки это богатый источник для определения моральных убеждений русского человека, так точно как и для уяснения различных сторон его жизни современной и прошедшей. «От той глубокой древности, скрытой за многими веками, еще донеслись до нас обломки в песне и пословице, и только по таким обломкам можем мы изучить старину и воссоздавать ее типические черты».

Еще в древности сходились люди на вече, где выбирали старосту – особо отличившегося своими достоинствами человека. Пословицы ярко изображают такое состояние вече: *«На одном вече, да не одни речи»*, *«мирская молва, что морская волна»*. Вместе, сообща решались все важные проблемы, правда, нередко, подобные собрания заканчивались борьбой, вече распадалось на несколько враждебных частей и оканчивалось торжеством силы. Поэтому пословицы говорят: мир силен, как вода, а глуп, как свинья; мирская слеза велика (едка). Не всегда все решалось мирно и гладко, доходило до драк и войн. Такое поведение среди родов и общин нередко провоцировалось зачинщиками: *«что за шум, а драки нет»*, *«чем ругаться, лучше подраться»*, *«бей своих – чужие будут бояться»*, но это же и осуждалось *«Бог дал родню, а черт вражду»*, *«хотя себе досадить, а недруга победить»*. Из пословиц и поговорок становится понятно, что враждовать и драться – себе вредить, надо научиться жить в мире и согласии: *«Худой мир лучше доброй ссоры»*.

К числу основных глубинных свойств русского человека относится свободолюбие. История России – это история борьбы русского народа за

свою свободу и независимость, для русского человека – свобода превыше всего.

На протяжении многих лет русский народ находился в зависимости от кого – то, будь – то монголо-татарское иго или крепостное право, русская душа стремилась на «волю», поэтому слово «воля» очень близко русскому сердцу, понимаемое как независимость, свобода в проявлении чувств и в совершении поступков. Об этом свидетельствую и пословицы: *«Хоть тяжела доля, да все своя воля»*, *«Своя воля дороже всего»*, *«Вольность всего дороже»*, *«Воля птичке дороже золотой клетки»*, *«Что хочу, то и ворочу»*, *«Своя рука владыка»*. Примеры этих пословиц говорят нам о стремлении к независимости и свободе.

Обладая свободолюбивым характером, русский народ многократно одерживал победу над захватчиками и добивался больших успехов. В пословицы отражают черты русских воинов: *«Лучше смерть в бою, чем позор в строю»*, *«Либо полковник, либо покойник»* и говорят нам о самопожертвовании ради большой цели. В пословицах и поговорках с исключительной полнотой отразились лучшие качества русского народа и, прежде всего патриотизм – чувство беспредельной любви к Родине: *«Родная сторона – мать, чужая – мачеха»*, *«Своя земля и в горести мила»*, *«На чужбине и собака тоскует»*.

Особенно тепло говорят пословицы о Москве: *«Москва всем городам мать»*, *«Кто в Москве не бывал – красоты не видал»*, *«Москва – родины украшеньё, врагам устрашеньё»*, *«Москва, что гранит, – никто Москву не победит»*.

В пословицах и поговорках глубоко раскрывается характер народа, его природный ум, уверенность в своей правоте и силе: *«Русский терпелив до почина»*, *«Русский не шутит ни с калачом, ни с мечом»*.

Исследуя самобытность русского народа, нельзя не упомянуть о традициях, обрядах нашего народа, о его суеверии, предрассудках и приметах.

Русский человек – человек патриархальных преданий и верований. Созданный уклад жизни передавался из поколения в поколение и что – то сохранилось и по сей день.

В русской культуре переплелись христианские и языческие традиции, и одной из уходящих корней в язычество традиций является празднование Масленицы. Вот как это характеризуют пословицы: *«Масленица – семь дней гуляет»*, *« На масленой повеселись, да блинком угостись»*, *« На горах покататься, в блинах поваляться»*, *« Не все коту Масленица, бывает и Великий пост»*. Главным отличием этого праздника были блины, которые пекли каждый день, из развлечений – обязательное катание с гор. Русский народ отмечает праздники с размахом, недаром Масленицу называют *широкой*.

Анализируя культурные стереотипы русского народа, нельзя не уделить внимание свадебным обрядам, обязательное венчание в церкви, что возрождается и в наши дни, и характеристике отношения к семье в целом. *«Сохранился замечательный пласт «семейных» пословиц и поговорок. Многие из них живы и по сей день. Серьезные и шуточные, они говорят об одном: семья со всеми ее горестями и радостями является нормой существования человека»*.

Приведем лишь некоторые из них: *«Семейная каша погуще кипит»*, *«В семье и каша гуще»*, *«Добрая жена да жирные щи – другого добра не ищи»*, *« Холостой – что бешеный »*, *«Холостой – полчеловека »*. Семейная жизнь была разной – счастливой, несчастной, но единственно правильным и праведным путем для человека.

О самобытности русского народа можно говорить много, споря и доказывая, какая из черт характера свойственна именно нам. *«Русские медленно запрягают, а потом быстро скачут»*, *«Какой русский не любит быстрой езды»*, *«Русский человек без родни не живет»*, *«Русский человек с горя поет и с радости»*. А.К.Толстой в своем стихотворении показывает

характерные черты русского человека, эти строки можно применять, как поговорки:

« Коль любить, так без рассудку,
 Коль грозить, так не на шутку,
 Коль ругнуть, так сгоряча,
 Коль рубнуть, так уж с плеча!
 Коли спорить, так уж смело,
 Коль карать, так уж за дело,
 Коль просить, так всей душой,
 Коли пир, так пир горой!»

Русский человек любит рисковать *«Кто не рискует, тот не пьет шампанского»*, *«Риск – благородное дело»*. *«Либо пан, либо пропал»* – говорит о решимости предпринять что-либо, рискнуть, несмотря на возможную неудачу.

Близки по значению и пословицы: *«Или грудь в крестах, или голова в кустах»*, *«Либо в стремя ногой, либо в пень головой»*, *«Либо рыбку съесть, либо на мель сесть»*. Пословица *«Волков бояться – в лес не ходить»* говорит о том, что нечего и браться за дело, если боишься предстоящих трудностей, а смелому всегда сопутствует удача: *«Удача – спутник смелого»*, *«Кто смел, тот и съел»*. Следует также сказать о русском особом слове *«авось»*., которое употребляется в целом ряде пословиц и поговорок: *«Авось не пропадем»*, *«Авось живы будем, авось помрем»*, *«Авось, небось да как – нибудь добра не будет»*. Надежда на *«авось»* нередко мешает русскому человеку продвигаться вперед, развиваться и стремиться к лучшему.

В национальном характере русского человека много противоречий, разногласий и откровенной глупости. Наш народ живет эмоциями, чувствами и как говорил русский поэт Ф.И.Тютчев:

« Умом Россию не понять,
 Аршином общим не измерить:
 У ней особенная стать -
 В Россию можно только верить».

Исследуя стереотипы, запечатленные в русских пословицах и поговорках, нельзя не уделить внимание их генетической многонациональности. В Родине исконно живут различные народы. До недавнего времени советский народ жил в едином государстве. После распада СССР в 1991 году образовались самостоятельные государства, что привело к разделению народов. Для иностранцев любой выходец из СССР считался русским, особой разницы между национальностями они не видели, но мы знаем, насколько различна культура, быт и характеры народов, выходцев из СССР. Это особо выражено в пословицах и поговорках различных национальностей. Возьмем, например, фольклор ближайших соседей России украинцев: «Нет на свете другой Украины, нет другого Днепра». Даже если некогда не бывал в Украине, можно представить себе просторы украинских степей и красоту великой реки. И как тут не вспомнить стихи Т. Шевченко «Ревет и стонет Днепр широкий», которые стали национальной украинской песней.

Совсем другое дело народы Кавказа: *«Где отара прошла, там и след пастуха оставлен», «Как крикнешь, так эхо и отзовется», «Не сев на коня, кнутом не стегай»*. На примерах этих дагестанских пословиц мы видим, как живут многочисленные представители кавказского народа, особенности природы, занятие людей. Звонкое эхо слышно в высоких горах Кавказа, где на склонах гор пастухи пасут свои стада и, конечно, каждый горец – это великолепный наездник.

В пословицах и поговорках каждый народ не только хвалит и прославляет свой край, но и указывает на недостатки. О лени говорят: *«Лежа на боку, не заработаешь, и на понюшку табаку», «Ты меня, работушка, не*

бойся, – я тебя не трону», «Лень-матушка прежде его родилась», о глупости: «Разошелся ум по закоулочкам, а в середине ничего не осталось», «Олух на олухе едет, олухом погоняет», «На наш век дураков станет», о пьянстве: «Полно пить пора ум копить», «В кабаке родился, в вине крестился», но делает это с юмором и любовью к своему народу.

Такое отношение объединяет все наши народы: мы можем смеяться над собой *«Трудно ничего не делать, но мы не боимся трудностей»*. У каждого человека есть слабое место, его – слабая струна, как говорится больное место, всем свойственны пороки и недостатки *«все мы люди – все человеки»*, не ошибается только тот, кто нечего не делает, но мы никогда не позволим смеяться и порочить нас другим.

О негодности чего – либо говорят: в подметки не годится; о непостоянстве и скором подчинении чужому влиянию: куда ветер подует; о неисполнении обещаний: кормит завтраками (от завтра) и откладывает в долгий ящик; о невозможности и бесплодности какого-нибудь дела: вчерашнего дня искать; о строгости: в ежовых рукавицах держать. Сюда же можно отнести и обычные сравнения нашего разговорного языка: бьется, что рыба об лед; что к стенке горох; как к корове седло; что с гуся вода; как снег на голову; как гора с плеч; как собака палку (любит); как сыр в масле; как кошка с собакой; как камень в воду, и прочие. Знать такие обороты и выражения необходимо, именно в них скрывается пластичность и выразительность языка, его разнообразие.

Русские писатели и поэты использовали пословицы и поговорки в своем творчестве. И сегодня можно встретить какую-либо пословицу или поговорку в качестве эпиграфа. Писатели широко использовали пословицы и поговорки в своих произведениях, учились на пословицах богатству, яркости и образности языка. В повести А.С.Пушкина «Капитанская дочка» Андрей Петрович Гринев, провожая своего сына, напутствует его: «Прощай

Петр, служи верно, кому присягнешь,... и помни пословицу: *береги платье снову, а честь смолоду*».

В свое время Н.В.Гоголь был пленен полнотой смысла пословиц, отметил их особенный «образ выражения»: писатель увидел в них отражение многих «народных свойств наших». «В них есть все, – сказал Гоголь о пословицах, – издевка, насмешка, попрек, словом – все шевелящее и задирающее за живое». И действительно, в пословицах прослеживается интерес ко всему, за каждой из них видишь тех, кто печалится, радуется, бранится, спорит. «Лучше тебе не родиться!» – то ли грозит, то ли сочувствует одна из пословиц, а другая говорит: «Твой бы приговор да тебе ж во двор» – это о недобром слове. В своих произведениях Н.В.Гоголь не только использовал пословицы и поговорки, но и сам их придумывал. В романе «Мертвые души» Гоголь описывает, как Ноздрев играет в шашки с Чичиковым и говорит: «*Давненько не брал я в руки шашек!*». Эта поговорка дошла до наших дней и, берясь за какое – либо дело, которое давно не делали, мы ее говорим. Еще одна популярная поговорка «*Есть еще порох в пороховницах!*» принадлежит перу Н.В.Гоголя и является фразой из повести «Тарас Бульба». Надо сказать, что и другие писатели и поэты являются создателями пословиц и поговорок. Вспомним изречения И.А.Крылова: «*А воз и ныне там*», «*Сильнее кошки зверя нет*», А.С.Пушкина: «*А счастье было так возможно*», «*Любви все возрасты покорны*», А.С. Грибоедова: «*Счастливые часов не наблюдают*», «*Свежо предание, а верится с трудом*». Эти выражения стали стереотипными изречениями в русской культуре и широко употребляются в современном языке.

В наше время смысл очень многих популярных пословиц заменен до обратного. Время внесло свои коррективы, изменились понятия и определение многих слов в русском языке. Например: «*В семье не без урода*» – неправильное толкование пословицы заключается в том, что в любой семье или компании обязательно есть один глупый человек. На самом деле уро-

дом называли первого ребенка в семье, на некоторых славянских языках слово «урод» означает «красота». *Урод* – стоящий у рода, под защитой. Семейой называлась пара только после рождения первенца. Первый самый красивый, т.е. пословица будет звучать так: «Семье не быть без первого ребенка».

Пословица «Моя хата с краю» имеет сейчас неправильное толкование: «отвалите от меня, я нечего не знаю». Однако на живших с края поселка людях была большая ответственность – первым встречать любую опасность и при необходимости дать отпор. Поэтому в хатах «с краю» жили самые сильные и смелые люди. Человек на самом деле говорил: «Я готов своей жизнью охранять покой всех».

Приведем еще один пример: «*Работа не волк – в лес не убежит*», эту пословицу неправильно употребляют наши современники, мол, работа подождет. Смысл пословицы не в том, чтобы отложить дела, а наоборот: когда в деревню забегал волк, женщины с детьми прятались по домам и выжидали, когда тот убежит в лес. Следовательно, смысл пословицы таков: «работа никуда не убежит, ждать не надо – надо выходить и работать».

В языке отражается склонность русского народа к эмоциональности, проявляется разнообразие характеров людей и типов отношения к миру. Если верно, что в языке народа сказывается его национальный характер (а это, безусловно), то национальный характер русского народа чрезвычайно внутренне разнообразен, богат, противоречив. И все это должно было отразиться в языке.

§2.2. Пословицы и поговорки как стереотипное выражение русского характера

Паремии являются одним из источников формирования языковых стереотипов.

Паремиология выбрана предметом исследования не случайно. Дело в том, что она находится на пересечении фольклора и фразеологии, что делает изучение пословиц и поговорок весьма значимым с позиции современного лингвокультурологического подхода. Паремиологический фонд русского языка – это важный источник интерпретации, так как большинство пословиц – это «прескрипции-стереотипы народного самосознания, дающие достаточно широкий простор для выбора с целью самоидентификации» [Телия 1996: 240]. Паремиология наглядно показывает культурные стереотипы, которые зафиксированы в русском языке. Наличие разных возможностей для самоидентификации неоспоримо, однако анализ большого количества единиц позволяет сделать вывод о лидирующих оценках и тенденциях. Для выявления таких тенденций мы провели сплошную выборку из «Словаря живого великорусского языка В. Даля».

Выбор словаря также не случаен, так как этот лексикографический труд является зеркалом русских культурных стереотипов. При этом для целей работы не существенно, насколько частотной является та или иная пословица или поговорка, поскольку в центре внимания находится кумулятивная функция языка, благодаря которой возможно наблюдение исторически сложившихся стереотипов. Словарь В. Даля вышел в 1863-1866 гг., а содержащийся в нем материал еще старше и показывает в основном крестьянский взгляд на мир. Крестьянство является многочисленной социальной группой России, что делает изучение словаря обоснованным. Поскольку В. Даль содержит хронологически удаленный срез языка, ниже будут очерчены также некоторые современные тенденции развития стереотипов.

Принципы отбора и классификации материала: 1) рассматривались единицы, касающиеся социальных аспектов взаимодействия мужчин и женщин. Пословицы типа *С сильным не борись, с богатым не судись*

можно рассматривать их как выражение андроцентричности в том смысле, что суждения общечеловеческого характера, где пол не имеет значения, все же фигурируют преимущественно мужчины; 2) в рамках рассматриваемого материала классификация затрудняется семантической многогранностью пословиц и поговорок.

Так, например, пословицу *Красота приглядится, а щипы не прихлеблются* можно отнести по меньшей мере к двум подгруппам – «Внешность» и «Хозяйственность». С проблемой неоднозначной классификации доводилось сталкиваться в большом количестве случаев. Поэтому конкретная семантическая область может быть очерчена достаточно хорошо только на высоком уровне обобщения: женское видение мира – мужское видение мира. В рамках каждой из этих областей просматриваются разнообразные семантические группы, однако они не могут считаться определенными окончательно.

В качестве одной из возможных мы предлагаем следующую схему, рассматривая паремии также и с позиции их внутренней формы. Из общего количества около 300 единиц можно назвать гендерно значимыми; большая их часть относится к женщинам: бабе, жене, девушке, невесте, свекрови, теще, матери и т.д. Вместе с тем значительная часть пословиц и поговорок словаря никаким образом не отражает гендерных аспектов, относясь ко всем людям независимо от их пола, например, *Выше головы не прыгнешь*. Таким образом, гендерный фактор не занимает основного положения в общем массиве русских пословиц и поговорок. При анализе единиц, отражающих гендерный аспект установлено:

Помимо этого, во всем материале исследования ярко выражены два явления: *андроцентричность*, то есть отражение мужской перспективы и отражение женского мировидения.

По принадлежности к семантическим областям можно выделить такие группы как:

Супружество – 17 ед. (внутри этой группы можно выделить также более мелкие подгруппы: быт, хозяйственная деятельность, взаимозависимость мужа и жены, главенство мужа, насилие в семье, женитьба – ответственное дело, злые и добрые жены и т.д.)

Девушка, невеста – 7 ед.

Материнство – 10 ед. (интроспективный взгляд и взгляд «извне»)

Качества женской личности – 14 ед. (характер, ум, внешность, ответственность)

Социальные роли – 24 ед. (*мать, жена, невеста, теща, бабушка (повитуха), сваха, вдова* и т.д.)

Гендерно окрашенные, но не относящиеся непосредственно к взаимодействию полов пословицы и поговорки. Например, *Кто любит попу, кто попадью, а кто попову дочку* – 13 ед.

«Экзистенциальные» противопоставления мужчины и женщины (то есть не связанные с социальными ролями, а относящиеся непосредственно к полу) – 3 ед.

Интроспективная женская картина мира – 16 ед.

Следует отметить, что во всех группах, кроме последней и частично группы, относящейся к материнству, доминирует андроцентричный взгляд, то есть отражение мужской перспективы. Рассмотрим подробнее теперь названные группы.

1. *Андроцентричность (мужская картина мира)*. Мужчина как адресант или адресат доминирует количественно, то есть, в пословицах и поговорках отражена преимущественно мужская картина мира и мужская власть в нем.

Первую дочь по семье бери, вторую – по сестре.

Жена не стекло (можно побить).

Величина мужского пространства-реальности здесь значительно больше женского. Женщина в пословицах и поговорках выступает главным образом в качестве объекта.

Бог бабу отнимет, так девку даст.

Здесь прослеживается противопоставление понятий *баба* и *девка*. *Баба* ассоциируется со сварливой и уже не молодой женщиной, в то время понятие *девка* сопровождается положительной коннотацией и обозначает молодую и покладистую девушку.

В некоторых пословицах и поговорках выражается неполная принадлежность женщины к категории «человек» (5 единиц):

Курица не птица, баба не человек;

В семи бабах половина козьей души.

В этих примерах женщина сравнивается с животным, а не с человеком.

Можно отметить и предписывающий характер высказываний, обращенный к женщине:

Не хлопочи, когда нет ничего в печи.

Кроме того, существует оппозиция «мужское – женское» с коннотациями «правильное – неправильное» (левое).

Муж пашет, а жена пляшет.

Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком.

В этой связи мужчине приписывается ответственность за поведение жены в соответствии с моделью: муж совершает поступок *n*, жена совершает поступок *N*, где *n* и *N* – некоторые отрицательные действия, причем *N* интенсивнее *n*:

Ты от жены на пядень, а уж она от тебя на сажень.

Муж за рюмочку, а жена за стаканчик.

Однако названная модель подразумевает и правила поведения для мужчины, так как отрицательные действия жены совершаются под влияни-

ем дурного примера, подаваемого мужем. Заявляются не только право мужа главенствовать, но и его ответственность.

В некоторых количественно больших группах («Супружество») моральные предписания адресованы не только женщинам. Большое количество единиц подчеркивает ответственность мужа и большую роль жены в семье. Хотя и женщина в нескольких пословицах предстает как не вполне человек, мы нашли аналогичные высказывания и в адрес мужчин: *не женат – не человек; холостой – полчеловека*. Моральные предписания адресованы также не одним только женщинам, но и мужчинам в том числе. Обнаруживается некоторый, говоря условно, свод правил для мужчины, в котором жестко осуждается мужская безнравственность, сексуальная распущенность: *У кого на уме молитва да пост, а у него бабий хвост*. Мы считаем также, что пословицы этого типа могут быть весьма условно отнесены к андроцентричным, так как в них не определена мужская или женская перспектива. Такие пословицы встречаются очень часто и отражают, на наш взгляд, общечеловеческую перспективу без различия пола: *На рать се-на не косишься, на смерть детей не нарожаешься*.

Безусловно отрицательный образ женщины присутствует в картине мира, рисуемой русскими пословицами и поговорками. Но присутствуют в ней как женская, так и общечеловеческая перспективы, что несколько уравнивает андроцентричность.

Супружество и семья представлены в пословицах и поговорках не как изолированная часть общества, а в тесном взаимодействии с остальными членами рода. Отсюда – частое упоминание родителей мужа и жены, бабушек и дедушек, кума и кумы, свахи.

В целом жизнь женщины показана подробно и не ограничивается лишь деятельностью в домашнем хозяйстве (хотя эта область весьма представительна). Большое количество паремий отражает внедомашние сферы деятельности женщины – разумеется, в допустимых для того времени пре-

делах: знахарство, акушерство, ворожба, о чем свидетельствует и второе значение слова «бабка» (повитуха, акушерка), а также образованный от него глагол «бабить» (оказывать родовспоможение).

Отражена не только зависимость жены от мужа, но и наоборот: *Мужик без бабы пуще малых деток сирота*. Особенно это касается пословиц и поговорок о пожилых супругах: *Рассыпался бы дедушка, кабы его не подпоясывала бабушка; Бабушка неможет, дед семь лет костей не гложет*.

В общем старой женщине и вдове отведено важное место. Вдовство давало женщинам некоторые преимущества, юридические права, если они имели детей. В языке это отражено в виде сочетания *матерая вдова*, а также рядом слов и словосочетаний, построенных по принципу переноса: *заматереть, матерый волк*.

На фоне общей картины нам видится не слишком показательной группа пословиц, где подчеркиваются своего рода экзистенциальные противопоставления полов, то есть противопоставление именно мужчин и женщин вне связи с их социальными функциями жен, мужей и т.д. Следует отметить, что в этой группе доминирует андроцентризм.

Также имеется небольшая группа пословиц (5), отражающих семейное насилие (что отмечает также К. Тафель (Tafel, 1997)). Иногда оно имеет форму взаимного рукоприкладства: *Я ее палкой, а она меня скалкой*, – что кроме печального факта домашнего насилия свидетельствует еще и о том, что женщина не рассматривается как слабое существо. Физическая слабость женщины практически не отражается в исследованных нами пословицах и поговорках. Наоборот, женщины проявляют свою волю и решительность вопреки попыткам мужчин им этой воли не давать: *С ухватом баба хоть на медведя*.

Важную роль играет возраст женщины: существует значительно число пословиц и поговорок, представляющих молодую девушку, особенно в

роли невесты. Здесь выражается в некоторых случаях взгляд на женщину как на сексуальный объект. Эта группа паремий очень многочисленна.

Исследователи фольклора также отмечают высокую частотность лексемы «девушка»: «...девушка – главный лирический персонаж, и ее наименования являются высокоупотребительными (например, в частотном словаре курских песен “девушка” занимает второе место» [Климас 1997: 3]. Кроме того, автор показывает, что у лексемы «девушка» и ее вариантов («девица» и т.д.) проявляются самые богатые изофункциональные связи: «сопрягаемые существительные являются “положительно характеризующими эпитетами, как, впрочем, и у других слов с корневым элементом дев» [Там же: 7]. Сочетаемость этой лексемы с глаголами показывает обрядовые и символические действия персонажа, характеризующие вольную жизнь до замужества. Исследователь Н. И. Моргунова (1997) установила, что на первом месте среди наименований лиц, встречающихся в лирическом фольклоре, находится лексема «девушка».

Таким образом, не стоит отрицать наличия андроцентричности, но следует все же заметить, что имеют место и противоположные тенденции.

2. *Женская картина мира.* Наиболее четкой тенденцией является наличие в русской паремиологии явственно различимого “женского голоса” (около 15% нашей выборки), отражающего жизнь и взгляд женщины на мир, условия и возможности ее социализации. В женской картине мира можно выделить следующие семантические области (в скобках указано количество единиц):

1. Замужество (23).
2. Родственные отношения (6).
3. Материнство, деторождение и воспитание (7).
4. Любовь и привязанность (9).
5. Типичная деятельность и самоощущение (7).
6. Проявление своей воли (5).

7. Область, отражающая имитацию женской речи, которая по сути также отражает андроцентричность языка и стереотипное представление женщины как существа нерационального, нелепого, недальновидного и в общем неполноценного (4).

Продай, муж, лошадь да корову, купи жене обнову.

В чем в церковь хожу, в том и квашню мешу

В группах 1-6 прослеживаются соответствия общим представлениям о женской речи: отнесенность к эмоциональной сфере, частое употребление уменьшительных форм [Homberger 1993: 32]. Стоит отметить, что доминируют фатальность и незащищенность. В количественном отношении подгруппа «Замужество» превосходит другие. Примечательно преобладание в синтаксисе входящих в эту подгруппу пословиц и поговорок придаточных уступительных, выражающих готовность мириться с жизненными неурядицами во имя частичного благополучия:

Хоть бита, да сыта.

Хоть за лысого, да близко.

Хотя за нищего, да в Татищево.

Высоко также количество противопоставительных союзов, вносящих в пословицу семантику обманутого ожидания.

Приданое в сундуке, а урод на руке.

Говорю мужу-ворогу: не бей меня в голову, а он кол да кол.

В целом общая картина замужества часто окрашена в минорные тона: оно воспринимается как необходимость и приобретение хотя бы минимальной защищенности, отсутствующей у женщин вне брака:

Когда овдоеешь, тогда-то и мужа помянешь.

С мужем нужа, без мужа и того хуже, а вдовой да сиротой хоть волком вой.

Также часто встречается образ несвободы, связанности:

Покроют головушку, наложат заботушку.

Невольное замужество не веселье.

Как наденут венец – всему конец.

Четко разграничиваются две фазы жизни женщины – девичество и замужество. Таким образом, замужество воспринимается в большинстве случаев как неизбежная тягость, но и как необходимая метаморфоза:

После Покрова не будешь такова.

Наличие единиц с семантикой метаморфозы и смерти позволяет говорить об отражении в русской паремиологии архетипа Кору (по Юнгу), согласно которому свадьба для невесты ассоциируется со смертью и последующем воскрешением. Безусловно, на возникновение пословиц этой группы влиял коллективный опыт, согласно которому замужество – это разлука с близкими и тяжелый домашний труд. Вместе с тем на следы мифологического мышления и пересечение в коллективном сознании семантических полей «Свадьба» и «Смерть» указывает описанный Н. И. Костомаровым обряд: «Брачною комнатою избирался сенник, часто нетопленный. Необходимо было, чтобы на полке не было земли, чтоб, таким образом, брачная спальня не имела никакого подобия с могилой» [Костомаров 1993: 215].

Положительно коннотированных пословиц находим значительно меньше. В них подчеркнута существенная для женщин сторона – защищенность:

Хоть плох муженек, а завалюсь за него – не боюсь никого!

Побереги Бог мужа вдоль и поперек, а я без него ни за порог.

В этой подгруппе отмечается также ряд пословиц, имеющих интенцию предупреждения или рекомендации:

Замуж выходи, в оба гляди.

На красивого смотреть хорошо, а с умным жить легко.

В подгруппе «Любовь, привязанность» выражается абсолютная необходимость наличия любимого человека («милого»). Лишь в некоторых случаях – *С милым в любви жить хорошо* – возможно предположение о том,

что речь идет о замужестве. В пословицах этого типа преобладают готовность к самопожертвованию – *Ради милого и себя не жаль; За милого и на себя поступлюсь* – и крепость эмоциональных уз – *Забудется милый, так вспомнится; Не мил и вольный свет, когда милого нет.*

Замужество и эмоциональная привязанность не являются тождественными, что подтверждает результаты исследований в области гендерной истории [Человек в кругу семьи 1996: 23], на документальном материале показавших, что институт брака имел преимущественно экономический характер и мало соотносился со сферой человеческих эмоций и привязанностей.

Характерно наличие в подгруппе, описывающей эмоции, большого количества безличных и неопределенно-личных конструкций – *Забудется милый, так вспомнится*, – отражающих некоторую самопроизвольность событий в русской ментальности.

В пословицах, относящихся к родственным отношениям, социальная роль женщины многопланова: мать, сестра, дочь, золовка, свекровь, теща, бабушка/бабушка, кума. В. Н. Телия предлагает считать родовым понятием концепт «женщина/баба», а все остальные концепты, в том числе и семейный статус, – видовыми [Телия 1996: 261]. На наш взгляд, в картине мира, создаваемой русской паремиологией, присутствуют два концепта – «женщина/баба» и «мать».

Концепт «женщина/баба», в большинстве случаев имеет отрицательную коннотацию и близок к семантическому полю «зло, опасность».

В особенности это относится к словам баба/жена.

Так, жена чаще злая, чем добрая (соответственно 9 и 6 единиц):

Злая жена сведет с ума.

Всех злыдней злее злая жена.

3 единицы допускают возможность существования добрых и злых жен:

Добрая жена – веселье, а худая – злое зелье.

Женщина в сознании мужчины наделяется рядом прототипических черт, создающих негативный стереотип:

1. Нелогичность и инфантильность в целом, отнесение к категории не вполне дееспособных лиц:

Бабы умы разоряют дома.

Волос длинный, а ум короткий.

И баба смекает, что ребенка качает.

О деле, требующем рассудка, говорят *Это тебе не веретеном трясти*, (подразумевается понятие «женская работа ума не требует»).

Пословиц, говорящих о недостаточности женского ума, обнаружено нами 9; положительную оценку дают 5 пословиц. Вздорность и взбалмошность как следствие нелогичности женского поведения, то есть умственной недостаточности, констатируют 7 единиц. Поэтому, несмотря на наличие высказываний, высоко оценивающих женский ум (*Кум говорит наобум, а кума – бери на ум; Женский ум лучше всяких дум*), главной чертой является все же ограниченность женского интеллекта. Эта черта показана В.Н. Телия на материале фразеологических сочетаний русского языка [Телия 1996: 267]. В русской паремиологии это не просто констатация факта, но часто и норма: женский ум, даже если он есть, – явление нетипичное, и, видимо, нежелательное:

Умную взять – не даст слова сказать.

Грамотницу взять, станет праздники разбирать.

2. Вздорный и непредсказуемый нрав:

Ехал бы прямо, да жена упряма.

С бабой не сговоришь (не убедишь).

Где две бабы, там судел (схватка), где три – там содом.

3. Опасность, коварство:

Не верь жене в подворье, а коню в дороге.

Жена ублажает, лихо замышляет.

4. Болтливость.

Языком метет, что коклюшками.

У баб только суды да ряды.

Бабья вранья и на свинье не объедешь.

В этой связи процесс женского говорения мало ценится. Стоит отметить, что сочетание слов *баба/женщина* и *говорит* практически не встречается. Женщины брешут, метут языком, бредят, талдычат, врут, сплетничают:

Не утерпела баба, провралась!

Поехала кума трубить по городу.

Шили и мыла, гладила и катала, пряла и ложила, а все языком.

Не ждет баба спроса, сама все скажет.

Бабий язык – чертово помело.

5. Женщины и женская деятельность противопоставляются мужчинам и мужской деятельности как правильное и неправильное. Оппозиция «правое – левое» как «правильное и неправильное», «норма и отклонение», свойственная многим культурам, явно просматривается и в русских пословицах и поговорках. В их основе лежит сема – нелепость, неправильность женского поведения:

Муж в дверь, а жена в Тверь.

Мужичий ум говорит: надо; бабий ум говорит: хочу.

Важно заметить, что данные пословицы в большинстве случаев выражают вполне логичное намерение в первой части и неудачный результат во второй:

Ладили баба в Ладугу, а попала в Тихвин.

Разголосилась баба по чужому покойнику.

Тетушка Мосевна до всего села милосердна, а дома не евши сидят.

Пошла по масло, а в печи погасло.

В результате совершенного действия мужчиной/мужем получается важное или тяжелое дело. В то же время действие бабы/жены дает реакцию, прямо противоположную:

Флор плачет, а жена скачет.

Муж по дрова, а жена со двора.

В некоторых случаях муж и жена меняются местами:

Иван в дудку играет, а Марья с голоду умирает.

Иногда наблюдается процесс метонимии, который переносит мужские и женские качества на предметы их деятельности или характерологические признаки внешности:

Семеро топоров под лавкой лежат, а две прялки врозь.

Топор как олицетворение мужского труда, а прялка – женской работы представляют мужчин и их уживчивость и женщин с их вздорностью.

Отрицательное отношение к женщине переносится и на предметы и инструменты женского труда:

Знай, баба, свое кривое веретено!

Стоит отметить, что веретено не имеет кривизны, и слово кривое выражает не свойство предмета, а отношение к нему и к тому, кто им пользуется.

6. Внешность не существенна, и важна хозяйственность. Работе и хозяйственности как необходимым женским качествам посвящены 11 единиц:

Не та хозяйка, которая говорит, а та, которая щи варит.

Непосредственно внешности посвящены 13 единицы, 3 из них подчеркивают вторичность красоты и первичность хозяйственных или нравственных качеств:

С лица не воду пить, умела б пироги печь.

Не пригожа, да пригодна.

Красота приглядится, а щи не прихлебаются.

Остальные единицы, относящиеся к этой группе, не столько указывают женщине быть красивой, сколько констатируют факт (*Хороша, как писаная миска*); они могут относиться и к мужчинам:

Он красным девушкам во сне снится.

или иметь иронический смысл: *Не к рожке румяна, не к рукам пироги.*

В процессе исследования языковой картины мира в пословицах и поговорках мы выяснили, что большую роль играет гендерный аспект. Важно заметить, что большая часть пословиц и поговорок отражает мужскую картину миру. Создается стереотип мужчины как сильной половины, а также подчеркивается его превосходство над женским полом. Женская картина мира представлена более разнообразно. Показаны как внутренний мир женщины, так и особенности ее поведения. В первую очередь в пословицах и поговорках женщина болтлива и совершает необдуманные поступки. Наряду с этим подчеркивается ее хозяйственность. Часто в пословицах и поговорках деятельность женщины прямо противопоставлена деятельности мужчины.

Таким образом, пословицы и поговорки стереотипизируют представление о мужчине и женщине, о семье, о воспитании, о труде и т.д. Можно утверждать, что пословицы и поговорки совпадают в области гендерной стереотипизации, поэтому мы не рассматриваем эти группы устойчивых выражений изолированно, а объединяем фактический материал в единые тематические группы.

Выводы по 2 главе

Поведение каждого человека (несмотря на то, что в частных случаях оно индивидуально) в любом обществе типизировано, то есть оно подчиняется нормам, выработанным в данном обществе индивидуально и многообразно. Набор стереотипов для каждого отдельно взятого общества сугубо

специфичен. Культурные стереотипы оказывают влияние на поведение человека в пределах родного культурного и языкового пространства и начинают усваиваться именно с того момента, когда человек осознает себя частью определенного этноса, частью определенной культуры.

В процессе исследования отражения стереотипных представлений в пословицах и поговорках, представляющих русскую языковую и ментальную картину мира, пословиц и поговорок мы выяснили, что большую роль в области стереотипизации играет гендерный аспект. Важно заметить, что большая часть пословиц и поговорок отражает мужскую картину мира. Создается стереотип мужчины как сильной половины, а также подчеркивается его превосходство над женским полом. Женская картина мира представлена более разнообразно. Об этом говорит и само количество пословиц, в которых употребляется традиционное для старой России слово *баба* и его производные:

Баба бредит, да черт ей верит.

Баба с кромою, а дед с сумою.

Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит.

Бабе кровь проливать не годится (от обычая, что бабы не колют птиц).

Бабий ум – *бабье* коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца.

Бабий язык не заткнешь ни пирогом, ни рукавицей.

Бабий язык, куда ни завались, достанет.

Бабы города недолго стоят (а без *баб* города не стоят).

Бабы хоромы недолго живут (стоят).

Бабья вранья и на свинье не объедешь.

В чем деду стыд, в том *бабе* смех.

Вольна *баба* в языке, а черт в *бабьем* кадыке.

Еще тот и не родился, кто бы *бабий* нором узнал.

Мужик тянет в одну сторону, *баба* в другую.

Перекаати-поле – *бабий* ум.

Собака умней *бабы*: на хозяина не лает (о брани).

И т.д.

В этих изречениях показаны и быт женщины, и ее внутренний мир, и особенности поведения в сравнении с мужчиной. В первую очередь в поговорках и пословицах женщина предстаёт как болтливая и способная на необдуманные поступки. Часто в пословицах и поговорках деятельность женщины прямо противопоставлена деятельности мужчины:

Муж пашет, а жена пляшет.

Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком.

Пока баба с печи летит, семьдесят семь дум передумает.

И в то же время подчеркивается значимость женщины, её роль в доме, хозяйственность:

Дом хозяйкою держится;

Дом на жене стоит, а не на земле.

Мы проанализировали около 50 пословиц и поговорок о мужчинах и женщинах и выявили черты характера, которые показаны в народных устойчивых изречениях чаще всего. Можно утверждать одно: гендерное противопоставление прослеживается в контекстах народных устойчивых выражений. Существует множество пословиц, в которых женщины оцениваются ниже, чем мужчины.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках задач лингвистики, среди которых на современном этапе выделяют: исследование проблем межэтнического взаимодействия на языковом уровне, изучение особенностей формирования и актуализации этнической идентичности на индивидуально-личностном уровне, создание и апробирование программ и методов социально-лингвистического эксперимента, успешного межкультурного взаимодействия, развитие теории социальной лингвистики и т.д., особую значимость приобретает исследование роли этнических стереотипов в процессе формирования позитивной этнической идентичности, изучение стереотипных представлений, анализ способов преодоления негативных стереотипов.

Для успешного осуществления коммуникативного акта между разными нациями необходимо не только владение языком, но и также наличие фоновых знаний. Большую роль в коммуникативном процессе играют прецедентные имена – индивидуальные имена, ситуации, широко известные представителям той или иной нации. Прецедентные имена являются составляющей такого понятия как фоновые знания. Как фоновые знания, так и прецедентные имена важны для «расшифровки» и интерпретации национальных стереотипов культуры, для их осмысления и правильного толкования. Они включают систему мировоззрения, взглядов, господствующих в данном обществе, этических оценок, эстетических вкусов, нормы речевого и неречевого поведения и большую часть знаний, которыми обладают все члены данного общества. Многие стороны жизни народа, традиции быта, обычаи, исторические события, которые известны членам данного языкового общества и неизвестны иностранцу, стали причиной возникновения тех или иных стереотипов в данном культурном пространстве.

Поведение каждого человека (несмотря на то, что в частных случаях оно индивидуально) в любом обществе типизировано, то есть оно подчиня-

ется нормам, выработанным в данном обществе индивидуально и многообразно.

В настоящей работе мы анализировали стереотипы как часть национальной культуры русского народа.

Анализ теоретических источников показал, что стереотип является относительно устойчивым, обобщающим образом или рядом характеристик, свойственных представителям одного культурного и языкового пространства, или представителям других наций в глазах данного народа. Набор стереотипов для каждого отдельно взятого общества сугубо специфичен. Культурные стереотипы оказывают влияние на поведение человека в пределах родного культурного и языкового пространства и начинают усваиваться именно с того момента, когда человек осознает себя частью определенного этноса, частью определенной культуры.

В процессе исследования отражения стереотипных представлений в устойчивых выражениях – пословицах и поговорках, представляющих языковую картину мира русского народа мы установили, что большую роль в области стереотипизации играет гендерный аспект. Важно заметить, что большая часть пословиц и поговорок отражает мужскую картину миру. При этом создается стереотип мужчины как сильной личности по сравнению с женщиной, а также подчеркивается его превосходство над женщиной. Женский взгляд на мир представлен более детализированно. Показаны как внутренний мир женщины, так и особенности ее типичного (стереотипного) поведения. В первую очередь в пословицах и поговорках женщина предстаёт как болтливая и совершающая необдуманные поступки.

Часто в пословицах и поговорках деятельность женщины прямо противопоставлена деятельности мужчины:

Муж пашет, а жена пляшет.

Не петь курице петухом, не быть бабе мужиком.

Однако, наряду с этим, подчеркивается ее хозяйственность:

Пусти бабу в рай: она и корову за собой ведет.

Мы проанализировали около 50 пословиц и поговорок о мужчинах и женщинах и выявили черты характера, которые показаны в них чаще всего. Прежде всего это стереотип о том, что мужчине женщину «не понять»: женщина живет чувствами, интуицией, а мужчина – умом.

Таким образом, пословицы и поговорки стереотипизируют исторически сложившееся в народе представление о мужчине и женщине. Можно утверждать, что пословиц и поговорок (*Еще тот и не родился, кто бы бабий нором узнал; бабья дорога – от печки до порога*) совпадают в области тенденций стереотипизации.

В целом, по нашим наблюдениям, в пословицах и поговорках в большей степени представлены автостереотипы:

С сильным не борись, с богатым не судись;

Выше головы не прыгнешь;

Не хлопочи, когда нет ничего в печи;

На рать сена не косишься, на смерть детей не нарожаешься.

Рассмотренные нами аспекты изучения социальных стереотипов далеко не исчерпывают всего разнообразия подходов и методов исследования этой области лингвистики. Множественность точек зрения на содержание, своеобразие и роль стереотипов и обилие работ, посвященных этому вопросу за последнее время как в России, так и за рубежом, демонстрируют актуальность и важность изучения особенностей репрезентации стереотипов в языке. Характер стереотипизации на современном этапе, массовые миграции, нарастание процессов дезинтеграции при одновременном стремлении человечества к объединению и стиранию государственных границ, предъявляют свои требования к выбору тем и методов лингвистики.

Круг проблем, стоящих перед лингвистами, и выбор методов их решения поистине необозрим. Но главным принципом, по-видимому, должно являться глубокое и беспристрастное изучение особенностей этниче-

ских стереотипов и механизмов из формирования и трансляции с целью поиска путей для наиболее адекватного восприятия других народов и общения с ними в духе терпимости и взаимоуважения.

Список литературы

1. Агеев, В.С. Механизмы социального восприятия / В.С. Агеев // Психологический журнал. – 1989. – № 2. – С. 31-40.
2. Алефиренко, Н.Ф. Современные проблемы науки о языке. – М.: Наука, 2005.
3. Аникин, В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки, детский фольклор / В.П. Аникин – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
4. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: Попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1.
5. Арутюнян, Ю.В. Этносоциология / Ю.В. Арутюнян, Л.М. Дробижева, А.А. Сусоколов. – М, 1999. – 271 с.
6. Байбурин, А. К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения / Под ред. А. К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985. – С.7-21.
7. Бердяев, Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н.А. Бердяев; редколл.: Э.Ф. Володин, Н.Е. Королев, В.П. Наумов и др. ; АН СССР ; Научный совет по проблемам культуры., репр. воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955 г. – М.: Наука, 1990. – 223 с.
8. Бердяев, Н.А. Мирозерцание Достоевского / Н.А. Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства. – М.: Наука, 1994. – 367 с.
9. Болотоков, В.Х. Феномен наций и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья / В.Х. Болотоков, А.М. Кумыков. – М.: Логос, 1998. – 261 с.
10. Булгаков, С.Н. Размышления о национальности // С.Н. Булгаков. – Соч.: В 2 т., Т. 2. – М.: Наука, 1993. – 350 с.
11. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание: Пер. с англ. / А. Вежбицкая; Ответ. ред. и сост. М.А. Кронгауз; Вступ. ст. Е.В. Падучевой. – М.: Русские словари, 1997. – 412 с.

12. Гудков, Д. Д. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Д. Гудков. – М. : ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.
13. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры / В. фон Гумбольдт. М.: Прогресс, 1985. – 378 с.
14. Гумилев, Л. Психологическое несходство этносов // Психология национальной нетерпимости. – Минск, 1998. – 468 с.
15. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало: Популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилев. – М.: Айрис-Пресс, 2003. – 383 с.
16. Даль, В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М., 2000.
17. Даль, В.И. Пословицы русского народа. – Спб.: Авалонь, Азбука – классика, 2008. – 304с.
18. Зиновьева, Е.И., Юрков, Е.Е. Лингвокультурология: теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: ООО "Издательский дом "МИРС", 2009. – 341 с.
19. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 13-27
20. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 262 с.
21. Ключевский, В.О. Русская история: В 5 т.. Т. 1, ч. 1, 2 . Полный курс лекций / Ключевский В.О.; Под ред. А.Ф. Смирнова; Вступ. статья А.Ф. Смирнова; Сост., коммент., указ. А.М. Кузнецова. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2001. – 672 с.
22. Коваленко, Г.М. Русские глазами шведов. Этнопсихологический стереотип // Славяне и их соседи. Этнопсихологические стереотипы в средние века. М.: Наука, 1990 – 103 с.
23. Кон, И. Психология предрассудка // Психология национальной нетерпимости. Минск, 1998 – 329 с.

24. Кордуэлл, М. Психология. А – Я: Словарь-справочник / М. Кордуэлл; Пер. с англ. К.С. Ткаченко. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2000. – 448 с.
25. Королев, С.И. Вопросы этнопсихологии в работах зарубежных авторов / С.И. Королев. М.: Наука, 1970 – 100 с.
26. Кошарная, С.А. Языковая личность в контексте этнокультуры: Учеб. пособие / С.А. Кошарная; [рец.: В.К. Харченко, Г.В. Токарев]; БелГУ. – Белгород: БелГУ, 2010. – 140 с.
27. Красных, В.В. Основы психолингвистики и основы коммуникации. – М.: ИТДГК Гнозис, 2001. – 270 с.
28. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: Прогресс, 1997. – 245 с.
29. Культурология XX век. Словарь. – СПб, 1997.
30. Кцоева, Г.У. Опыт эмпирического исследования этнических стереотипов / Г.У. Кцоева // Психологический журнал. – № 2, 1986. – С. 35-38.
31. Лебедева, Н. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. – М., 1999.
32. Лебедева, Н.М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию: Учебное пособие / Н.М. Лебедева. – М.: Ключ-С, 1999. – 224 с.
33. Липпман У. Общественное мнение. М.: Институт Фонда «Общественное мнение». – 2004. – 384 с.
34. Логический анализ языка. Язык и время./ Отв. ред. – Н.Д. Артюнова, Т.Е. Янко – М.: Изд-во «Индрик», 1997. – 352с.
35. Лосский, Н.О. Условия абсолютного добра / Н.О. Лосский. – М.: Политиздат, 1991. – 368 с.
36. Лосский, Н.О. Характер русского народа. Кн. 1 / Н.О. Лосский; Худ. А.В. Русак., Репринт. воспр. изд. 1957 года. – М.: Ключ, 1990. – 64 с.
37. Лотман, Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек. Текст. Семиосфера. История. М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.

38. Маслова, В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов вузов / Маслова В.А.; рец. А.М. Мезенко. – 2-е изд., стер.. – М.: Академия, 2004. – 205 с.
39. Мелетинский, Е.М. Избранные статьи. Воспоминания.- М.: Прогресс, 1998. – 315 с.
40. Опарина, Е. О. Лексика, фразеология, текст: Лингвокультурологические компоненты // Язык и культура. – Вып. 2. -- М., 1999.
41. Платонов, Ю. П. Этническая психология. – СПб.: Пресс, 2001. – 320 с.
42. Потебня, А.А. Слово и миф. – М.: Правда, 1989. – 623 с.
43. Пропп, В.Я. Проблемы комизма и смеха. – М.: Лабиринт, 1999. – 288 с.
44. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев. – М.: ИКАР, 1997. – 228 с.
45. Санников, В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.
46. Серебренников, Б.А. Роль человеческого фактора в языке. – М.: Наука, 1988. – 217 с.
47. Сикевич, З.В. Национальное самосознание русских [социологический очерк]: Учеб. пособие / Сикевич З.В.; Рец.: Л.Г. Ионин, В.И. Шубкин. – М.: Механик, 1996. – 208 с.
48. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Академия, 2000. – 416 с.
49. Сорокин, Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. – М.: Прогресс, 1998. – 289 с.
50. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.

51. Стефаненко, Т.Г. Этнопсихология: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Психология» / Стефаненко Т.Г.; рец.: Г.М. Андреева, Т.Д. Марцинковская; М-во образования РФ. – 4-е изд., испр. и доп.. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 368 с
52. Сусов, И.П. Введение в теоретическое языкознание. М.: Восток – Запад, 2006. – 382 с.
53. Телия, В.Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира. М, 1988. – 203 с.
54. Уфимцева, Н. В. Структура языкового сознания русских: 70-е – 90-е годы // Этническое и языковое самосознание: Материалы конференции. – М., 1995.
55. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии. – М., 1999. с.62.
56. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь СРЯ: В 2 т.- М.: Рус. яз., 1999.